

Диана Винн Джонс

РАШЕДНОЕ
НАСЛЕДСТВО

Миры Крестоманси

Миры Крестоманси

Диана Джонс

Волшебное наследство

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Джонс Д. У.

Волшебное наследство / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (Миры Крестоманси)

ISBN 978-5-389-10382-5

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько яркие, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах. Прошло чуть меньше года с тех пор, как Мур Чант поселился в замке Крестоманси и открыл в себе талант к магии. Жизнь идет своим чередом, Крестоманси неутомимо надзирает за тем, чтобы никто не использовал волшебство во зло. Но обитатели замка, все как один могущественные кудесники и чародеи, даже не подозревают, что совсем рядом, у них под боком, процветает особенное волшебство, такое, о каком они даже и не слышали. Оно передается из поколения в поколение в нескольких больших и шумных деревенских семействах, которые держат его в строжайшей тайне от Крестоманси. Но тут в деревне по соседству случается большой переполох, и дела принимают неожиданный оборот...

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-10382-5

© Джонс Д. У., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	45
Глава шестая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Диана Уинн Джонс

Волшебное наследство

Diana Wynne Jones
PINHOE EGG

Text copyright © Diana Wynne Jones 2006
All rights reserved
This edition is published by arrangement
with Laura Cecil and The Van Lear Agency LLC

© А. Бродоцкая, перевод, 2015
© В. Аникин, иллюстрация на обложке, 2015
© И. Горбунова, иллюстрации, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Грир Джилман

Глава первая

В самом начале летних каникул, когда Крестоманси с женой и детьми были еще на юге Франции, Марианна Пинхоу и ее брат Джо брели нога за ногу в гору по главной улице Ульверскота. Их потребовала к себе Бабка Пинхоу. Бабка была старшей по колдовству среди ульверскотских Пинхоу и вообще среди всех Пинхоу на свете, от Боубриджа до Хоптона и от Апхельма до Хельма-сент-Мэри. Ослушаться Бабкиного приказа было никак нельзя.

– Вот интересно, чего потребовалось старой перечнице на этот раз, – пробурчал Джо, когда они шли мимо церкви. – Наверняка опять какая-нибудь дурь в голову ударила.

– Тише ты, – одернула его Марианна.

Дальше по улице преподобный Пинхоу опрыскивал розы в своем палисаднике. До Марианны доносился едкий запах зелья и шипение опрыскивателя. Бабкины приказы и вправду в последнее время становились все больше и больше похожи на капризы и чудачества, но взрослые Пинхоу не приветствовали, когда об этом говорили вслух.

Джо опустил голову и сильно насупился.

– Чепуха какая-то, – проворчал он, когда они поравнялись с домом викария. – Я-то ей зачем понадобился?

Марианна усмехнулась. Пинхоу считали, что Джо «не оправдал надежд». Одна только Марианна знала, сколько сил он потратил, чтобы их не оправдать, – ну, еще, наверное, мама что-то подозревала. Джо обожал всякие машины и механизмы. Традиционное колдовство или ворожба на манер семейства Пинхоу – или семейства Фэрли из дальнего Хельма-сент-Мэри, или, если уж на то пошло, Кливсов из Андерхельма по ту сторону от Ульверскота – его попросту бесили. Во всем, что касалось подобного рода волшебства, Джо прилежно проявлял полное отсутствие способностей. И его оставляли в покое.

– Что она тебя позвала – это понятно, – продолжал Джо, когда они преодолели последний подъем к Лесной усадьбе, где жила Бабка. – Ты же у нас следующая Бабка, то-сё.

Марианна вздохнула и покривилась. А все потому, что за последние два поколения в Бабкиной ветви семейства Пинхоу не родилось ни одной девочки, кроме Марианны. Все знали, что Марианне предстоит пойти по Бабкиным стопам. У Марианны было два двоюродных дедушки, шестеро дядьев, десять двоюродных братьев – и обязанность каждую неделю получать от Бабки наставления в колдовстве, которым ей предстояло заниматься. Без этого всего Марианне жилось бы гораздо проще.

– Ничего, переживу, – проговорила она. – Да и ты тоже, по-моему.

Они свернули на заросшую травой подъездную дорожку к Лесной усадьбе. Ворота так и стояли сломанные с тех самых пор, как умер Старый Дед, – Марианна была тогда совсем маленькая. После него Дедом стал Гарри Пинхоу, отец Джо и Марианны, поскольку он был старшим сыном Старого Деда. Только вот все звали его просто папой или Гарри, а не Дедом, и Марианна считала, что это многое говорит о его характере.

Они прошли два шага по дорожке и принялись. У ворот сильно пахло диким зверем.

– Лиса? – в недоумении нахмурился Джо. – Или кот?

Марианна помотала головой. Запах был очень сильный, но гораздо приятнее, чем от лисы или кота. Такой травяной и пушистый аромат, совсем как у знаменитой маминой присыпки для ног.

Джо засмеялся:

– Ну, точно не Фундук. Его же того, чик-чик.

Они поднялись по трем истертым ступенькам и толкнули облезлую входную дверь. Открыть на стук было все равно некому. Бабка решила, что будет жить одна в большом древнем доме – только старая мисс Каллоу должна была приходить два раза в неделю прибираться. Видимо, в этом деле мисс Каллоу не то чтобы мастерица, подумала Марианна, когда они вошли в просторную переднюю. В оконце, проделанное на полдороге вверх по грязной дубовой лестнице, падал солнечный луч. В луче танцевал густой рой пылинок, и толстый слой белесой пыли устилал стеклянные колпаки, закрывавшие расставленные по столикам звериные чучела. Эти чучела Марианна терпеть не могла. Все звери свирепо скалились. Даже сквозь пыль было видно алые пасти, острые белые зубы и злобные стеклянные глаза. Стараясь не смотреть на зверей, Марианна вместе с Джо пересекла переднюю, застеленную шершавыми кокосовыми циновками, и постучала в дверь гостиной.

– Входите уже, – отозвалась Бабка. – Я вас все утро прождала.

– Да ладно! – пробурчал Джо.

Марианна от души понадеялась, что Бабка не расслышала, – хотя на самом-то деле Джо был прав. Они отправились к Бабке сразу же, как только за ними прибежала тетя Джой с почты.

Бабка сидела в вытертом кресле, закутанная, как всегда, во много-много слоев черной одежды; на костлявых коленях у нее возлежал черный кот Фундук, а у кресла стояла наготове палка, без которой она не могла ходить. Что сказал Джо, Бабка, похоже, не слышала.

– Сейчас же, кажется, каникулы, – заметила она. – Сколько вам положено? Полтора месяца?

– Даже немного больше, – призналась Марианна.

Она поглядела в скуластое, квадратное, породистое Бабкино лицо, на котором годы оставили заметный след, и невольно задумалась, как будет выглядеть она сама, когда доживет до старости. Все говорили, что когда-то у Бабки были такие же густые каштановые волосы, как у Марианны, и глаза были такие же большие и карие, какие видела Марианна в зеркале, когда разглядывала себя и огорчалась из-за своей внешности. Правда, квадратным у Марианны был разве что необычайно высокий лоб. Это Марианну очень утешало.

– Хорошо, – сказала Бабка. – Так вот, слушайте, какой у меня план. Нельзя, чтобы вы целых два месяца валялись дурака. Сначала Джо, как старший. Мы нашли тебе работу – место с проживанием. Будешь рассылным у Большой Шишки Сам-знаешь-где.

Джо в ужасе вытаращился на нее:

– Что, в замке Крестоманси?!

– Тихо! – оборвала его Бабка. – Это имя здесь произносить нельзя. Ты же не хочешь, чтобы нас заметили! До Хельма-сент-Мэри всего десять миль!

– Вообще-то, у меня были свои планы на каникулы, – проговорил Джо.

– Плохо, – заявила Бабка. – Пустые и глупые планы. Ты прекрасно знаешь, Джозеф Пинхоу, что не оправдал наших надежд, а теперь тебе представилась возможность принести пользу. Отправишься в замок, будешь нашими глазами и ушами, и если там выдадут себя, хоть чем-то покажут, что знают о существовании нас, Пинхоу, – а если уж на то пошло, то и Фэрли и Кливсов, – сразу подашь мне весточку через Джосса Каллоу.

– Еще бы в замке не знали, что мы существуем! – презрительно скривился Джо. – Не думают же они, будто в Ульверскоте никто не жи...

Он осекся: Бабка ткнула в его сторону костлявым пальцем.

– Джо Пинхоу, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду! В замке не знают, что все мы колдуем, и не должны об этом узнать! Если узнают – сразу придут, установят свои правила и порядки, не дадут оттачивать ремесло. Уже двести лет, с тех самых пор, как в замке поселили Важную Шишку, мы не позволяем им ничего про нас выведать, а я хочу, чтобы мы на этом не остановились и дали им достойный отпор.

И ты, Джо, будешь мне помогать!

– Не буду! – отрезал Джо. – Почему Джосс Каллоу не может? Он-то уже там!

– Он снаружи! – ответила Бабка. – А ты окажешься внутри! Там все тайны и секреты!

– Не буду я... – начал было Джо.

– Нет, будешь! – рыкнула Бабка. – Джосс тебя уже устроил, порекомендовал этой гримзе Веникс, которую там зовут экономкой, и ты пойдешь и будешь там работать, пока не начнутся занятия. – Она схватила палку и нацелила Джо в грудь. – Это приказ!

Марианна ощутила колдовской толчок и услышала, как Джо охнул от того, что сделала с ним трость. Джо посмотрел себе на грудь, а потом на палку, злой и ошарашенный.

– Ты не имеешь права!.. – сказал он.

– Ничего, переживешь, – отрезала Бабка. – Теперь ты, Марианна. Я хочу, чтобы ты была у меня каждый день с завтрака до ужина. Мне нужна помощь по дому, нужно, чтобы кто-то выполнял поручения, а остальным мы скажем, что ты пошла ко мне в ученицы. Не желаю, чтобы все думали, будто я не могу сама себя обслуживать.

Марианна прямо увидела, как у нее отбирают и комкают каникулы, совсем как у Джо, и стала лихорадочно искать любой предлог, чтобы увильнуть.

– Я обещала помогать маме с травами, – сказала она. – Был невиданный урожай...

– Значит, придется Сесили все варить и настаивать самой, как обычно, – сказала Бабка. – Марианна, я хочу, чтобы ты была здесь. Или придется палкой?

– Ой, нет! Не надо! – испугалась Марианна.

И осеклась: на подъездной дорожке послышался топот копыт и скрип колес. Марианна и Джо, не дожидаясь Бабкиной отрывистой команды «Пойдите посмотрите, кто это там!», ринулись к окну. Фундук спрыгнул с Бабкиных колен и пришел к финишу первым. Глянул в мутное стекло и удрал, распушив хвост.

У крыльца остановилась изящная плетеная коляска, запряженная холеным пегим пони. Правил коляской Дед Фэрли, который Марианне никогда не нравился. Дед был в лучшем твидовом костюме и полотняном кепи и казался даже мрачнее обычного. За его спиной в плетеной коляске восседала Бабка Нора Фэрли. Глаза у Бабки Норы были как длинные щелки, а рот – как короткая щелка, и от этого вид у нее был мрачный даже в самые радостные минуты. Но сегодня она была еще мрачнее обычного.

– Кто там? – напряженным голосом спросила Бабка.

– Дед Фэрли. Разнаряженный в пух и прах, – ответил Джо. – И Бабка Нора. К тебе делегация на высшем уровне, Бабка. Нора в той самой жуткой шляпе с маками.

– А сердитые-то какие, – добавила Марианна.

Из коляски выскочил кто-то из младших Фэрли и побежал к пони. Младший Фэрли тоже щеголял в костюме. Вот Дед Фэрли передает младшему родственнику хлыст и поводья, законстенело слезает на землю и стоит, приглаживая седоватые усы, и ждет Бабку Нору: когда та поднялась с сиденья и стала спускаться, коляска просела и закрипела. Бабка Нора была женщина крупная. Бедный пони, подумала Марианна, тяжело ему пришлось даже с такой легкой колясочкой.

– Пойдите откройте им. Проведите сюда и ждите в передней, – распорядилась Бабка. – Хочу, чтобы, когда я буду с ними говорить, рядом был хоть кто-то из Пинхоу.

Марианне стало ясно, что визит застал врасплох не только их с Джо, но и саму Бабку.

Они с Джо промчались мимо чучел – Джо насупился и напустил на себя самый-самый надутый, самый-самый упрямый вид, прямо ослиный. Зазвенел старый треснутый дверной колокольчик, и тут же Дед Фэрли сам распахнул дверь, не дожидаясь, пока ему откроют.

– Мы приехали из самого Хельма-сент-Мэри, и что я вижу? – Он сердито уставился на них. – Недорослей, которым даже дверь открыть недосуг! Дома ваша Бабка? Или притворяется, будто ее нет?

– Она в гостиной, – вежливо ответила Марианна. – Давайте я вас провожу.

Однако Дед Фэрли грубо отпихнул ее и зашагал в гостиную, а Бабка Нора протолкнулась в дверь и поспешила следом, притиснув Джо могучим корпусом к ближайшему чучелу. За ней с кислой миной вплыла ее дочь Доротея, бросив на ходу Марианне:

– Прояви гостеприимство, дитя мое. Им срочно потребуется чай с печеньем. Принеси, да поживее.

– Красотища! – возмутился Джо, скорчив рожу вслед Доротее, когда та громко захлопнула за собой дверь в комнату. – Пошли домой, а?

Из-за двери сразу же послышался разговор на повышенных тонах.

– Нет, давай подождем, – сказала Марианна. – Мне интересно, чего это они так разозлились.

– Мне тоже, – признался Джо.

Он лукаво улыбнулся Марианне и тихонько наложил на дверь гостиной маленькое хитрое заклятие – дверь тут же приоткрылась на дюйм, не больше. В щель загремел голос Деда Фэрли:

– Не смей отпираться, гнусная старушенция! Это ты нас выдала!

– Ничего подобного! – прямо-таки провизжала Бабка, но голос ее потонул в воплях Норы и Доротеи.

Марианна двинулась в кухню за чаем, а Джо оставила подслушивать. В кухне оказался Фундук – он сидел посреди огромного старого стола и алчно буравил взглядом консервную банку с кошачьим кормом. Марианна вздохнула. Бабка всегда говорила, что у Фундука в мозгу всего две извилины и обе думают только о еде, однако было очень похоже, что она в очередной раз забыла его покормить. Марианна открыла банку и вывалила корм в кошачью миску. Фундук так заплясал от благодарности, что Марианна невольно задумалась, давно ли Бабка вспоминала, что кошкам тоже надо есть. Печенья не нашлось нигде, ни в одном шкафчике. Может, Бабка уже и саму себя кормить забывает?..

Пока чайник грелся, посвистывая, Марианна вернулась в переднюю. В гостиной вроде бы перестали орать и теперь разговаривали чуть поспокойнее. До нее донесся голос Доротеи:

– Я прямо наткнулась на него! Счастье, что он на меня не набросился!

– Жалко, что он тебя не сожрал, – заявила Бабка.

Тут все разорались еще пуще, а Джо прыснул в кулак. Он стоял у стеклянного колпака со скрюченным оскаленным хорьком и глядел на него примерно так же, как Фундук – на банку кошачьего корма.

– Ты разобрался, из-за чего весь сыр-бор? – шепнула Марианна.

– Пока нет. – Джо пожал плечами. – Они утверждают, что Бабка что-то натворила, а она отпирается.

В этот момент гвалт в комнате унялся, и они расслышали, как Дед Фэрли говорит:

– Мы, Фэрли и Пинхоу, дали священный обет никогда не говорить о Кливсах! А ты, Эдит Пинхоу, его нарушила!

– Глупости! – послышался голос Бабки. – А ты, Джек Фэрли, дурак набитый!

– Отрицая свою вину, – продолжал Дед Фэрли, – ты доказываешь, что утратила всякое представление о долге, о правде и о лжи – и в работе, и в жизни!

– Да что за чушь ты... – начала Бабка.
Но тут ее перебил голос Норы:

– Да, Эдит, так и есть! Мы для того и приехали. Ты уже не та. Ты сдаешь. Ты начала совершать ошибки.

– Мы считаем, тебе пора на покой, – авторитетно заявила Доротея.

– Пока ты не наделала бед! – подхватил Дед Фэрли.

Похоже, он хотел что-то добавить, но никто так и не узнал, что именно, поскольку его голос потонул в оглушительном Бабкином визге.

– Какая чепуха, какая наглость, какое оскорбление! – вопила она. – А ну все вон отсюда! Сию же минуту вон из моего дома!

Эти слова она подкрепила мощной волной волшебства, так что Джо и Марианна еле устояли на ногах, хотя Бабка целилась вовсе не в них. А Фэрли, похоже, получили прямо в лоб. Шатаясь и спотыкаясь, они выскочили из комнаты и побежали к выходу. У дверей им удалось развернуться. Дед Фэрли, которого Джо и Марианна еще никогда не видели таким злым, погрозил кулаком и проревел:

– Говорю я тебе, Эдит, наша взяла!

Марианна готова была поспорить, что сквозь волну Бабкиного волшебства пробился ответный укол каких-то чар Деда Фэрли.

Однако проверить она не успела – все трое Фэрли ринулись к своей коляске, запрыгнули в нее и умчались так поспешно, словно за ними гнался сам Крестоманси.

Бабка в гостинной все вопила и вопила. Марианна бросилась к ней и обнаружила, что старуха раскачивается в кресле, оглушительно визжит и не может уняться. Волосы у нее растрепались, по подбородку текла слюна.

– Джо! Помоги мне ее успокоить! – закричала Марианна.

Джо подошел к Бабке вплотную и рявкнул на нее:

– Не собираюсь я в замок Крестоманси! Что хочешь говори!

Потом он утверждал, что просто не придумал ничего лучше, чтобы уж наверняка привлечь Бабкино внимание и как-то переключить ее.

Помогло: визжать Бабка перестала. И свирепо уставилась на Джо – бешеная, дрожащая, запыхавшаяся.

– Палтусовы бошки торчат из каждой чашки! – сказала она.

– Бабка! – взмолилась Марианна. – Возьми себя в руки!

– Белена, – ответила Бабка. – Все маникюрши на променаде. Так пенистее всего!

Марианна повернулась к Джо:

– Беги за мамой. Быстрее. По-моему, она сошла с ума.

К вечеру диагноз Марианны признали официальным.

Похоже, слухи о том, что с Бабкой неладно, распространились даже раньше, чем Джо успел добежать до Дрокового коттеджа и позвать маму. Папа с дядей Ричардом выскочили из плотницкого сарайчика за коттеджем и помчались по улице, дядя Артур рысцой поспешил в гору из «Герба Пинхоу», прикатил на велосипеде дядя Чарльз, а вскоре подоспел на телеге с фермы дядя Седрик, потом с грохотом подъехал строительный фургон дяди Симеона и прибежал с огорода за полями дядя Исаак со своей женой тетей Диной и стадом увязавшихся следом овец. Вскоре после этого появились и оба двоюродных дедушки – дедушка Эдгар, торговец недвижимостью, прикатил по подъездной дорожке в своем экипаже, запряженном двойкой, а дедушка Лестер, адвокат, примчался на роскошном автомобиле из самого Хоптона, бросив свою контору на произвол судьбы.

От них ненамного отстали тетушки и двоюродные бабушки. Задержались они лишь затем, чтобы наделать бутербродов, – все, кроме тети Дины, которая сначала вернулась в Лошину и загнала овец в хлев, а уже потом тоже наделала бутербродов. Это, наверное, такой семейный обычай Пинхоу, думала Марианна: едва замаячит на горизонте беда, как все тетушки кидаются делать бутерброды. Даже мама и та прибежала с корзинкой, благоухавшей свежим

хлебом, яйцами и кресс-салатом. Вскоре огромный стол в кухне Лесной усадьбы уже был уставлен бутербродами всех видов и размеров. Марианна и Джо деятельно носили чайники с чаем и тарелки с бутербродами торжественному собранию в гостиной, где приходилось заново рассказывать всем подоспевшим, как было дело.

Марианне это надоело до смерти. Каждый раз, когда она доходила до того момента, где Дед Фэрли тряс кулаком и кричал, приходилось объяснять:

– По-моему, Дед Фэрли наслал тогда на Бабку какое-то заклятие. Я его почувствовала.

И каждый раз дядюшка или тетушка отвечали:

– Нет-нет, Дед Фэрли на такое не способен!

После чего поворачивались к Джо и спрашивали, почувствовал ли и он тоже, что Дед Фэрли наслал на Бабку чары. Джо приходилось мотать головой и отвечать, что нет, не почувствовал.

– Просто от Деда столько всего шло, – оправдывался он, – я мог и пропустить.

Однако дядюшки и тетушки отмахивались от Джо, как и от Марианны. И сразу бежали к Бабке. Мама прибыла первой – она единственная из всех дам семейства Пинхоу додумалась приготовить бутерброды при помощи колдовства, а не нарезать вручную, – и обнаружила Бабку в таком состоянии, что, недолго думая, наслала на старушку сонные чары. Так что Бабка почти все время прохрапела на потертом диванчике.

– Она так голосила, что весь дом трясся, – объясняла мама каждому вновь прибывшему. – Мне показалось, так будет лучше всего.

– Разбудила бы ты ее, Сесили, – говорили в ответ дядюшки либо тетушки. – Наверное, она уже успокоилась.

Тогда мама снимала чары, и Бабка вскрикивала и резко садилась.

– Павлиний пирог, говорю я вам! – вопила она. – Скажите мне что-нибудь, чего я не знаю. Позовите пожарных. Шары летят! – И прочую дребедень в том же духе.

Через некоторое время дядюшки либо тетушки признавали:

– Пожалуй, ты права, лучше ей поспать. Что-то она совсем не в себе.

Тогда мама снова насылала чары, и до прибытия очередного Пинхоу воцарялась торжественная тишина.

Эта процедура повторилась со всеми – за исключением одного лишь дяди Чарльза. Дядю Чарльза Марианна просто обожала. Во-первых, если не считать дяди Симеона, он был ее единственный худой дядюшка. Большинство дядюшек из семейства Пинхоу с возрастом приобретали определенную солидность, хотя и толстяками, пожалуй, не были. А еще у дяди Чарльза, в отличие от всех прочих, в лице была такая смешинка. В семье считали, что он «не оправдал надежд», совсем как Джо. Зная Джо, Марианна подозревала, что и дядя Чарльз очень старался не оправдать надежд, хотя, по ее мнению, слегка перегнул палку, когда женился на тете Джой с почты.

Дядя Чарльз примчался в старом комбинезоне, заляпанном краской – по профессии он был маляр, – и посмотрел на Бабку, которая, приоткрыв рот, храпела на диванчике.

– Не надо беспокоить ее ради меня, – сказал он. – Ну что, спятила-таки старушка? Что случилось-то?

Марианна еще раз все рассказала, и тогда дядя Чарльз потер замазанной в краске рукой щетину на подбородке и проговорил:

– Что-то не верится, что такое с ней сотворил Дед Фэрли, хотя он мне тоже не нравится. А из-за чего вышла ссора?

Пришлось Марианне и Джо признаться, что они понятия не имеют, честно-честно.

– Что-то вроде того, что она проболталась про их священный обет и из-за этого кто-то налетел на их Доротею. Кажется, – сказала Марианна. – А Бабка говорила, что она ничего такого не делала.

Дядя Чарльз приподнял брови и вытаращил глаза:

– Да ну?

– Ладно, Чарльз, неважно, – нетерпеливо вмешался дядя Артур. – Главное – что бедная старая Бабка больше не дееспособна.

– Перетрудились, бедняжка, – сказал папа Марианны. – Наверняка все опять из-за этой Доротеи, вот честное слово. Своими руками удавил бы!..

– Надо было еще в колыбели задушить, – согласился дядя Исаак. – А теперь уже ничего не поделаешь.

Дядя Чарльз посмотрел на Марианну – одновременно и насмешливо, и сочувственно:

– Ей когда-нибудь приходило в голову, что надо назначить тебя следующей Бабкой, Марианна? Выходит, теперь ты главная.

– Надеюсь, нет! – фыркнула Марианна.

– Ой, Чарльз, не говори глупостей! – сказали все.

А папа добавил:

– Не допущу, чтобы моя малышка погрязла в этом болоте, даже шутить так не смей! Давайте подождем Эдгара и Лестера. Послушаем, что они скажут. Они же братья Бабки, не кто-нибудь.

И вот приехал сначала дедушка Эдгар, а потом дедушка Лестер, и Марианне пришлось еще дважды повторить свой рассказ, а Бабку дважды будили, и она кричала «Нас захватили дикобразы!» дедушке Эдгару и «А я предупреждала, что этот сыр с придурью!» дедушке Лестеру. Но оба двоюродных дедушки, похоже, совершенно растерялись и не знали, как теперь быть. Они нерешительно теребили усы и в конце концов отослали Джо с Марианной в кухню, чтобы не мешали серьезным взрослым разговорам.

– Не нравится мне Эдгар, – сказал Джо, мрачно жуя оставшиеся бутерброды. – Очень уж покомандовать любит. И зачем он нахлобучил эту твидовую шляпу?

Марианна отвлеклась на Фундука. Тот выскочил из-под огромного стола и потребовал есть.

– Наверное, торговцам недвижимостью полагается так одеваться, – сказала она. – Вот Лестер – он же носит черное пальто и брюки в полоску, потому что адвокат. Джо, что-то я не могу найти еще кошачьего корма.

Джо виновато поглядел на последний бутерброд двоюродной бабушки Сью. Ее бутерброды были толстые, сочные и вкусные, и он съел все – остался только один.

– С сардинками, – вздохнул он. – Ну, отдай ему. Или... – Он приподнял салфетку над последней нетронутой тарелкой. Там лежали плоские сухие бутерброды, почти наверняка работа тети Джой. – Или есть еще эти. Коты едят вареную колбасу?

– Иногда приходится, – ответила Марианна.

Она сгрузила бутерброды в миску Фундуку, и Фундук так набросился на них, словно его неделю не кормили. А может, и правда не кормили, подумала Марианна. В последнее время Бабка вечно все забывала.

– Слушай, – проговорил Джо, глядя, как Фундук наворачивает бутерброды. – Я же не говорю, что ты не почувствовала, как Дед Фэрли наслал чары, у тебя с волшебством гораздо лучше, чем у меня, – просто это мало что меняет. По-моему, Бабка уже давно не та.

Марианна подумала и решила, что Джо, вероятно, прав. А он вдруг заискивающе спросил:

– Не сделаешь мне одолжение, раз уж мы все равно тут?

– А что? – спросила Марианна.

Фундук попятился от миски с остатками бутербродов тети Джой и сделал вид, будто их закапывает. Марианна привыкла, что Джо всегда сначала норовит подольститься к ней, прежде чем попросить об одолжении. «Но он прав: Бабка давно уже не та», – подумала она.

– Мне нужно то чучело хорька, – сказал Джо. – Если я его заберу, можешь сделать так, чтобы казалось, будто оно на месте?

Марианна предпочла не спрашивать, зачем Джо понадобилась такая пакость. Ох уж эти мальчишки!

– Джо! Это же Бабкин хорек! – сказала она.

– Ей он точно не понадобится, – ответил Джо. – А тебе иллюзии удаются гораздо лучше, чем мне. Марианна, ну пожалуйста! Пока они там болтают...

Марианна вздохнула, но вышла в переднюю следом за Джо; из гостиной доносились серьезные приглушенные голоса. Марианна и Джо тихо-тихо разглядывали хорька под стеклянным колпаком. Марианне этот хорек всегда отчетливо напоминал желтую змею с шерстью и лапками. Брр! Но когда создаешь иллюзию, самое главное – чтобы она была похожа на то, что видят все. А видят они разинутую клыкастую пасть и злобные глазки-бусинки. Колпак так запылелся, что больше ничего, пожалуй, и не различишь. Нужно только передать общие очертания.

– Ну, сможешь? – напряженным шепотом спросил Джо.

Марианна кивнула:

– Наверное, да.

Она осторожно сняла стеклянный колпак и поставила рядом с чучелом барсука. На ощупь хорек был как твердое полено, покрытое шерстью. Опять брр! Марианна поежилась и протянула чучело брату. Накрыла опустевший пятачок искусственной травы колпаком, протянула к нему руки и как можно точнее описала в воздухе контуры хорька. И думала при этом: «Изогнутый, желтый, змеевидный, вертлявый... Горящие глазки, мерзкие маленькие ушки, ощеренная ярко-розовая пасть, полная острых белых зубов... Еще брр!» Марианна отняла руки – и увидела под колпаком хорька, именно такого, какого надумала: из-под слоя пыли на стекле проступало что-то размытое и ощеренное.

– Шикарно! – восхитился Джо. – Просто блеск! – И метнулся в кухню, бережно держа на руках настоящее чучело.

Марианна заметила в пыли на колпаке отпечатки своих ладоней – целых четыре. Подула на них, мысленно требуя, чтобы они исчезли. Отпечатки понемногу сглаживались, но тут дверь в гостиную распахнулась с державным грохотом, и оттуда решительно вышел дедушка Эдгар. Марианна поспешно прекратила колдовать: он бы точно заметил. И только сделала невинные круглые глаза и уставилась на твидовую шляпу дедушки Эдгара – ну точь-в-точь твидовый цветочный горшок, нахлобученный на голову. Шляпа повернулась к ней.

– Мы решили, что твоей бабушке нужна сиделка, – объявил дедушка Эдгар. – Я все организую.

Судя по всему, кто-то снова разбудил Бабку. Из гостиной гулко раскатился ее вопль:

– А я всегда говорила: нет ничего лучше тушеной хорьчатины!

Ой, неужели Бабка теперь читает мысли?! Марианна затаила дыхание, кивнула и улыбнулась дедушке Эдгару. Тут-то Джо и вышел из кухни, и в руках у него была корзинка из-под бутербродов тети Элен – похоже, он перепутал ее с маминкой, – накрытая салфеткой, чтобы не было видно хорька.

– Куда это ты? – поинтересовался дедушка Эдгар.

Джо тут же ссутулился и насупился.

– Домой, – ответил он. – Заберу вот кота. Его Марианна к себе возьмет.

К сожалению, эту версию загубил на корню сам Фундук: он выскочил из кухни и стал тереться о ноги Марианны.

– Только он удирает все время, – глазом не моргнув, заявил Джо.

Марианна глубоко вздохнула, отчего у нее закружилась голова: нельзя так долго не дышать.

– Джо, я его сама заберу, когда пойду домой. А ты иди, отдашь маме корзинку.

– Да-да, – сказал дедушка Эдгар. – Тебе надо собрать вещи, Джозеф. Ты ведь с завтрашнего дня работаешь в замке.

У Джо отвисла челюсть, он вытаращился на дедушку Эдгара. Марианна тоже вытаращилась. Они-то думали, что раз Бабка выжила из ума, то и планы ее уже не считаются.

– Кто вам сказал?! – выдавил Джо.

– Бабка, еще вчера, – ответил дедушка Эдгар. – Тебя там уже ждут. Ну, ступай.

И он зашагал к выходу, подталкивая Джо перед собой.

Глава вторая

Марианна хотела уже пойти домой следом за Джо, но тут в переднюю вышла мама и сказала:

– Марианна, Джой говорит, что осталась еще ее тарелка бутербродов. Принесешь?

Марианна призналась, что бутербродов больше нет, и тогда ее послали в «Герб Пинхоу» принести пирожков со свининой, которые напекла тетя Элен. Когда она вернулась, тетя Джой снова отправила ее в деревню повесить на дверях почты объявление «Закрето по семейным обстоятельствам», а потом папа послал ее за преподобным Пинхоу. Преподобный Пинхоу пришел в Лесную усадьбу вместе с Марианной, очень серьезный и встревоженный, и сразу спросил, почему никто до сих пор не позвал доктора Каллоу.

Беда в том, что доктора Каллоу Бабка ни в грош не ставила. И, похоже, услышала слова преподобного Пинхоу, поскольку тут же раскричалась:

– Ква, ква, ква! Холодной рукой на живот! Говорю я вам, это все капуста на заре!

Но преподобный Пинхоу настаивал, что нужен врач. Марианну отправили звонить доктору Каллоу, а когда доктор приехал, опять начался крик. Из криков Марианна, сидя на лестнице с Фундуком на коленях, слышала в основном «Нет-нет-нет!» и иногда оскорбления вроде «Ах ты вязаный кальмар!» и «Да я бы тебе и лишай почистить не дала!»

Доктор Каллоу вышел в переднюю в сопровождении мамы, папы и большинства тетюшек, качая головой и говоря что-то про «круглосуточный уход». Все заверили его, что Эдгар уже этим занимается, и доктор уехал. Следом за ним удалился и викарий, а тетюшки направились в кухню наделать еще бутербродов. Тут они обнаружили, что в доме совсем нет хлеба, а из прочей снеди только баночка сардин. Поэтому Марианну снова отправили с поручениями – к пекарю, к бакалейщику и домой к тете Дине за яйцами. Марианна не забыла купить и кошачьего корма и вернулась тяжело нагруженная, ужасно завидуя Джо, которому удалось так легко улизнуть.

Каждый раз, когда Марианна возвращалась в Лесную усадьбу, Фундук бросался ей навстречу, словно она была единственным человеком на всем белом свете. Марианна брала

его на руки, гладила и невольно косилась на стеклянный колпак, где раньше был хорек. Каждый раз она с некоторым облегчением убеждалась, что под колпаком виднеется желтый мазок с оскалом на одном торце.

И вот наконец, уже ближе к закату, на подъездной дорожке послышался лязг, цокот и скрип коляски дедушки Эдгара. Вскоре дедушка Эдгар прошагал в дом, ведя за собой двух сиделок крайне профессионального вида. Обе были в просторных темно-синих плащах и с маленькими квадратными чемоданчиками. Когда мама, тетя Пру и тетя Полли показали им, где спать, сиделки заглянули в кухню, увидели нагроможденные на огромном столе горы провизии и объявили, что готовить не входит в их обязанности. Мама успокоила их, что этим будут заниматься все тетушки по очереди, на что тетя Пру и тетя Полли переглянулись и свирепо уставились на маму. Затем сиделки деловито прошагали в гостиную.

– Ну, милая, – донеслись до Марианны на лестнице их суровые голоса, – сейчас мы уложим вас в постельку, а потом вы выпьете чашку вкусенького какао!

Бабка тут же снова завопила. И каким-то образом, визжа и отбиваясь, просочилась в переднюю в окружении плотного кольца родственников. Никто, в том числе сиделки, похоже, не знал, как быть. Марианна печально смотрела на совершенно беспомощных маму с папой, на дедушку Лестера, нервно ломающего руки, и на дядю Чарльза, который бочком-бочком крался к своему велосипеду. Самообладание сохранила, пожалуй, только тетя Дина. Раньше Марианна считала, будто тетя Дина, пухленькая и светловолосая, только и умеет, что укрощать коз и кормить кур, но тут тетя Дина взяла Бабку под локоть – очень заботливо, и так же заботливо наслала на нее успокоительные чары.

– Что ж вы так раскричались, старая вы сарделька, – ласково проворковала она. – Вам же помочь хотят, глупышка! Идите-ка наверх и дайте переодеть вас в ночнушку.

И Бабка покорно побрела наверх с тетей Диной и сиделками мимо Марианны с Фундуком. По дороге она поглядела сверху вниз на Марианну – совсем как раньше.

– А ты, деточка, возьми пока моего кота, – сказала она. Почти совсем нормальным голосом.

Вскоре после этого Марианна смогла наконец отправиться домой вместе с мамой и папой и с Фундуком в охапке; кот слегка елозил.

– Уф, – выдохнул папа. – Надеюсь, теперь все утрясется.

Папа больше всего на свете любил мир и покой. Он хотел только одного: чтобы им с дядей Ричардом не мешали спокойно делать красивую добротную мебель с утра до вечера. В сарайчике за Дроковым коттеджем они сколачивали кресла, в которых сразу становилось легче на душе, столы, заколдованные так, чтобы все сидевшие за ними были счастливы, буфеты, отталкивающие пыль, гардеробы, отпугивающие моль, и еще много-много всего. На прошлый день рождения папа сделал Марианне конторку в форме сердечка и с потайными ящичками. Ящички были по-настоящему потайные: их можно было найти, только если знаешь нужные чары.

А вот мама совсем не ценила мир и покой.

– Ха! Наша Бабка – прирожденная скандалистка и такого случая точно не упустит!

– Ну, Сесили! – упрекнул ее папа. – Я понимаю, ты недолюбливаешь мою маму...

– Тут вопрос не в том, кто кого недолюбливает! – с жаром возразила мама. – Она из хоптонских Пинхоу! И пока твой отец не женился на ней, была та еще городская фифа! Она сама его окрутила, Гарри, и кому, как не тебе, это знать! Это ей надо сказать спасибо, что ему пришлось уехать в этот медвежий угол и поставить на себе крест, вот так вот!

– Сесили, Сесили! – Папа многозначительно показал глазами на Марианну.

– Ладно, считай, я ничего не говорила, – притихла мама. – Но я сильно удивлюсь, если она даст нам спокойно вздохнуть, и неважно, в своем она уме или нет!

У Марианны весь вечер не шли из головы мамины слова. Лежа в постели, с Фундуком, уютно мурчащим под боком, она в полусне попыталась вспомнить дедушку. Ей бы и в голову не пришло, что Старого Деда можно окрутить. Она, конечно, была тогда очень маленькая, но ей всегда казалось, что Дед – сильный и сам всем заправляет. Он был худой и жилистый, от него пахло землей. Марианна вспомнила, как он расхаживал на длинных ногах по лесам, и водил за собой свою любимую дряхлую кобылу Молли, и складывал в тележку к ней свои знаменитые диковинные травы и растения. Марианна вспомнила его старую фетровую шляпу. Вспомнила, как Бабка ворчала: «Дед, да выкинь ты уже наконец эту страшную шапку!» Бабка всегда звала его Дедом. Марианна до сих пор не знала, как его имя на самом деле.

Она вспомнила, как любил Старый Дед, когда вокруг собирались все его сыновья и внуки – все мальчишки, кроме Марианны, – и как ей всегда находилось почетное место у него на коленях после воскресного обеда. На воскресный обед они всегда ходили в Лесную усадьбу. Наверное, маме это было не по душе. У Марианны сохранились отчетливые воспоминания, как мама с Бабкой шипят друг на друга в кухне, пока старая мисс Каллоу готовит все за них. Мама обожала готовить, но в том доме ее никогда не подпускали к плите.

И уже совсем засыпая, Марианна вдруг вспомнила – ярче всего, – как Старый Дед однажды заявился в Дроковый коттедж и сообщил, что у него для нее подарок. «Трюфели», – сказал он и протянул большую жилистую руку с горстью чего-то вроде земляных катышков. Марианна сначала подумала, что он имеет в виду шоколадные конфеты, и уставилась на катышки, совершенно оторопев. Хуже того, Дед достал нож – который от частого затачивания так истончился, что превратился едва ли не в шило, – аккуратно отрезал ломтик катышка и велел Марианне его съесть. На вкус была точь-в-точь земля – и все. Марианна его выплюнула. А Дед тогда страшно огорчился и сказал: «Ну ладно... Наверное, она просто маленькая и еще не может оценить их вкус». Сейчас, когда вспомнила об этом, у нее защемило сердце.

С этими мыслями Марианна сразу заснула.

Наутро Фундук пропал. Дверь была закрыта, окно тоже, но Фундука и след простыл. Марианна надеялась, что он внизу, клянит завтрак, однако и там его не оказалось.

Мама металась туда-сюда – искала Джо носки, брюки и рубашки. Она бросила через плечо:

– Да удрал, небось, обратно в Лесную усадьбу. Коты – они такие. Когда проводим Джо, сходи заberi его. Боже милосердный! Я забыла положить Джо пижаму! Джо, держи еще две пары носков, я их вроде бы даже заштопала.

Джо взял у нее носки и все прочее и сам упаковал свои пожитки в рюкзак, так, чтобы никто не видел. Марианна догадывалась, в чем дело: наверняка в рюкзаке лежал краденый хореk. Джо сделал самое что ни на есть насупленное лицо. Марианна прекрасно его понимала. Ей было бы тошно при одной мысли о том, что придется жить в месте, где все до одного кудесники и норовят запретить колдовать всем остальным. Она спросила об этом у Джо, но он только пробурчал в ответ:

– Да чихал я на колдовство! Мне каникулы жалко. Бесит!!!

Когда Джо наконец взгромоздился на велосипед и мрачно укатил – торчащий из рюкзака рукав рубашки гордо реял у него за спиной, – нахлынуло такое ощущение, словно гроза миновала. Марианна далеко не в первый раз подумала, что у брата очень даже серьезные волшебные способности, просто не самые обычные.

– Ой, наконец-то! – сказала мама. – Терпеть не могу, когда он в таком настроении. Марианна, сбегай за Фундуком.

Дверь Лесной усадьбы оказалась заперта – небывалое дело. Марианне пришлось сначала стучать, потом звонить, и только после этого ей открыла злоющая сиделка с каменным лицом.

– Ты-то что здесь делаешь? – строго спросила она. – Мы просили викария позвонить мистеру Пинхоу!

– Дедушке Эдгару? – спросила Марианна. – А что случилось?

– Она нам полтергейст устроила, вот что! – ответила сиделка.

При этих ее словах со стола у двери взмыл большой латунный поднос и, со свистом рассекая воздух, понесся сиделке прямо в голову. Сиделка пригнулась.

– Видишь? Да мы тут ни дня больше не задержимся! – сказала она.

Поднос прогремел, подскакивая, по крыльцу и, здорово помятый, брякнулся на подъездную дорожку. Марианна проводила его взглядом и сказала:

– Я с ней поговорю. На самом деле я за котом пришла. Можно войти?

– Да пожалуйста, – отозвалась сиделка. – Давай иди, хоть отвлечешь огонь на себя.

Марианна вошла в переднюю и, не сдержавшись, покосилась на стеклянный колпак хорька. Под стеклом по-прежнему виднелось что-то желтое, однако оно уже было не так похоже на хорька. «Вот зараза, – подумала Марианна. – Выцветает. С иллюзиями такое постоянно».

Но тут ее отвлекла Бабка: в нарядной белой ночнушке и красном фланелевом халате она сбежала по лестнице, а за ней гналась вторая сиделка.

– Марианна, это ты? – пронзительно завопила Бабка.

«Может, пришла в себя?» – с некоторым сомнением подумала Марианна.

– Здравствуй, Бабка. Ты как?

– Приговорена к градуснику, – ответила Бабка. – Свиристствует пандемия. – Она окинула сиделок ядовитым взглядом и добавила: – Пора уносить ноги.

К ужасу Марианны, большие напольные часы, стоявшие у лестницы, взлетели в воздух и тараном ринулись на ту сиделку, которая открыла дверь. Сиделка закричала и отскочила. Часы свернули за ней, метнулись в сторону – и с жутким грохотом и звоном рухнули прямо на стеклянный колпак хорька. Колпак разлетелся вдребезги.

«Ну, хотя бы с этим разобрались», – подумала Марианна. Но Бабка кинулась к открытой двери. Марианна бросилась за ней и поймала за костлявую руку как раз в тот миг, когда Бабка запнулась о латунный поднос у крыльца.

– Бабка, – сказала Марианна, – нельзя же выходить на улицу в ночнушке и халате!

Старуха только разразилась безумным хохотом.

«Нет, в себя она, конечно, не пришла, – подумала Марианна. – Но и не то чтобы совсем не в себе». Она слегка тряхнула Бабку за руку и заговорила строгим голосом:

– Бабка, немедленно прекрати. Сиделки хотят тебе помочь. Ты только что разбила ценные старинные часы. Папа говорит, они стоят несколько сотен фунтов. Как тебе не стыдно!

– Стыдно, стыдно... – пробормотала себе под нос Бабка. И повесила голову, нечесаную, лохматую. – Марианна, я об этом не просила.

– Ну что ты, конечно нет, – сказала Марианна. У нее внутри все сжалось от жалости, вот прямо до ужаса. От Бабки пахло так, словно она обмочилась, и было видно, что она сейчас заплачет. – Это просто Дед Фэрли заколдовал тебя...

– Какой еще Дед Фэрли? – безо всякого интереса спросила Бабка.

– Ладно, неважно, – сказала Марианна. – Это значит, Бабка, что тебе надо немножко потерпеть и разрешить, чтобы тебе помогли, пока мы не сделаем так, чтобы тебе стало лучше. И перестань, пожалуйста, швыряться в бедных сиделок чем попало!

Бабка злорадно ухмыльнулась:

– Колдовать-то они не могут!

– Вот поэтому и перестань, – объяснила Марианна. – Раз они не могут дать сдачи. Бабка, дай мне слово. Дай слово, или... – Она лихорадочно соображала, какая угроза пройдет Бабку. – Дай слово, или я даже не подумаю стать Бабкой после тебя! Умою руки, поеду в Лондон и найду себе работу!

Вообще-то, это была очень соблазнительная мысль. Магазины, красные автобусы, со всех сторон улицы вместо полей, с тоской подумала Марианна. Бабка кивнула неопрятной головой.

– Дать слово, – пробормотала она. – Дать слово Марианне. Марианна – это ты.

Марианна вздохнула: плакала ее лондонская жизнь.

– Надеюсь, ты его сдержишь, – сказала она. И отвела Бабку обратно в дом, где обе сиделки стояли и смотрели на обломки.

– Она дала слово вести себя хорошо, – сказала Марианна.

На этом этапе примчались из деревни мама с тетей Элен, в заднюю дверь ворвалась тетя Полли, а из экипажа, из-за спины дедушки Эдгара, выдвинулась бабушка Сью. Слухи, как всегда, разнеслись быстро. Беспорядок в передней быстро ликвидировали, и, к великому облегчению Марианны, никто не заметил, что среди обломков и осколков нет чучела хорька. Сиделок ублаготворили, и они увели Бабку одеваться.

Наделали еще бутербродов, приехали еще Пинхоу, и в гостиной учинили очередной совет по поводу того, как теперь быть. Марианна снова вздыхала и думала, как повезло Джо, что он от всего этого отвертелся.

– Понимаешь, малышка, мы говорим не просто о какой-то бабушке, – сказал ей папа. – Она у нас старшая по ремеслу. Это относится ко всем, кто живет в наших трех деревнях и во всей стране, которая не под Фэрли и Кливсами. Нужно постараться, чтобы ей было хорошо, иначе всем нам не поздоровится. Сбегай-ка за тетей Джой. Похоже, она не заметила, что у нас тут беда.

Когда Марианна нашла тетю Джой на почте и отправилась с ней обратно, оказалось, что той все видится совсем иначе, чем папе. Она шагала рядом с Марианной по улице, на ходу прищипывая старую синюю шляпку, и всю дорогу ворчала:

– Я, выходит, должна бросить покупателей, упускать выгоду, а что твой дядя Чарльз зарабатывает столько, чтобы содержать семью, так на это и рассчитывать нечего, и все потому, что эта избалованная старуха выжила из ума и ну часами швыряться! Объясни мне, будь любезна, почему нельзя отправить ее в дом престарелых?

– Она ведь, наверное, и там станет швыряться, – предположила Марианна.

– Да, но тогда меня не будут дергать, чтобы с ней разбиралась, – возразила тетя Джой. – Кроме того, – продолжала она, нещадно тыча в шляпку булавкой, – моя двоюродная бабушка Каллоу много лет пробыла в доме престарелых и ничего такого не делала, только в стенку таранилась, а ведьмой она была ничуть не слабее этой вашей Бабки!

Когда они добрались до Лесной усадьбы, Марианна улизнула от тети Джой под предлогом, что надо поискать Фундука в саду – и там он и оказался, охотился на птиц в заросшем огороде. Он был очень рад, когда его забрали обратно в Дроковый коттедж и накормили завтраком.

– Дурень ты старый! – сказала ему Марианна. – Теперь будешь есть у нас. По-моему, Бабка уже не помнит, что ты живешь на белом свете.

При этих словах на глаза Марианны, к ее удивлению, навернулись слезы, а в горле запершило. Она и не понимала, как ей от всего этого грустно. А вот, оказывается, хоть плачь. Бабка только и делала, что помыкала Марианной, за что ее любить-то? И все равно было больно смотреть, как она визжит, швыряется чем ни попадя и вообще ведет себя, словно очень маленький ребенок. Марианна всей душой надеялась, что там, в Лесной усадьбе, придумают, как все уладить.

К несчастью, похоже, уладить что бы то ни было оказалось трудно. Мама с папой вернулись домой только через несколько часов вместе с дядей Ричардом, и все они валились с ног от усталости.

– С сиделками, значит, договаривайся, с Лестером и Эдгаром договаривайся... – жаловалась мама, пока Марианна разливала всем чай.

– Не говоря уже о Джой, которая только и трещала о доме престарелых, куда она упрятала старую Гленис Каллоу, – добавил дядя Ричард. – Марианна, солнышко, три ложки, пожалуйста. Не время сейчас беречь фигуру.

– Так что вы решили-то? – спросила Марианна.

Сиделок, судя по всему, удалось уговорить остаться еще на неделю за двойную плату и при условии, что в доме постоянно будет находиться кто-то из тетушек, чтобы их защищать.

– Будем дежурить по очереди, – вздохнула мама. – Мне выпала сегодняшняя ночь, так что, к сожалению, ужин будет холодный, а я побегу. А после этого...

– Я уверен, сиделки знают свое дело, – мирно сказал папа, – она к ним привыкнет, и можно будет больше не волноваться.

– Размечтался! – фыркнула мама.

Как ни прискорбно, она оказалась права.

Сиделки продержались еще две ночи, после чего наотрез отказались работать дальше. Они заявили, что в доме водятся привидения. Все прекрасно понимали, что привидения – дело рук Бабки, но никто не поймал ее с поличным – и никто не сумел переубедить сиделок. Они ушли. И состоялось очередное чрезвычайное собрание семейства Пинхоу.

Марианна на него не пошла. Она сказала всем – и это был вполне разумный довод, – что кота на новом месте нужно две недели держать взаперти, иначе он сбежит. Поэтому она сидела с Фундуком в своей комнате. На самом деле она вовсе не скучала: поскольку Джо не было дома и некому было ехидничать, Марианна спокойно открыла потайной ящичек в своей конторке-сердечке и достала роман, который она сочиняла. Роман назывался «Приключения принцессы Ирэн» и выходил очень увлекательным. Поэтому Марианна сильно огорчилась, когда все вернулись в Дроковый коттедж после Безобразного Скандала, как назвал случившееся дядя Ричард, – и даже папа признал, что «возникли некоторые сложности».

По маминему рассказу выходило, что жаркие споры разгорелись даже о том, может ли Бабка жить одна, и еще более жаркие споры – о том, нужно ли кого-то к ней подселить или кто-то должен взять ее к себе. Тогда дедушка Эдгар бодро провозгласил, что они с бабушкой Сью поселятся в Лесной усадьбе и бабушка Сью будет ухаживать за Бабкой. Для бабушки Сью это был сюрприз. И не то чтобы приятный. Более того, она заявила, что раз так, то она поедет жить к сестре за Хоптон, а дедушка Эдгар пусть сам ухаживает за Бабкой, посмотрим, как ему понравится. Все тут же бросились думать дальше. Оставалось, по словам мамы, только одно: перевезти Бабку к кому-то из семерых ее сыновей.

– И тут-то и полетели пух и перья, – сказал дядя Ричард. – Сесили прямо разошлась – никогда ее такой не видел!

– Хорошо тебе говорить! – взвилась мама. – Сам-то, небось, не женат и живешь в комнатухе над «Гербом Пинхоу». От тебя, Ричард, никто ничего не потребует, так что эту свою улыбочку...

– Сесили, Сесили! – укорил ее миротворец-папа. – Не заводишь снова!

– Я там не одна заводилась! – возразила мама.

– Конечно! И Джой, и Элен, и Пру, и Полли – все криком кричали, что у них и так хлопот полон рот. Даже твоя, Марианна, двоюродная бабушка Кларисса и та сказала, что, если они дадут кров буйнопомешанной, Лестер не сможет вести респектабельный образ жизни, подобающий его профессии. Это совершенно вывело меня из терпения, – признался папа. – А потом Дина с Исааком вызвались добровольцами. Сказали, что раз детей у них нет, то времени и места вполне хватит, а Бабке будет приятно смотреть на уточек и козочек в Лощине. Кроме того, Дине удастся управляться с Бабкой...

– Только Бабка с этим не согласилась, – сказала мама.

Бабка каким-то образом догадалась, что происходит. Она вышла в гостиную, завернувшись в скатерть, и объявила, что покинет Лесную усадьбу только в гробу ногами вперед. То есть

именно так большинство Пинхоу расшифровали ее высказывание «корнями вперед в невольничьей корзине».

– Дина уложила ее обратно в постель, – сказал дядя Ричард. – Перевезем Бабку прямо завтра. Позовем на помощь всех Пинхоу и...

– Погоди-погоди. Перед этим еще Эдгар выступил, – вмешалась мама. – Эдгар так и рвется переселиться в Лесную усадьбу, как только Бабку оттуда заберут. Тут уж бабушка Сю возражать не стала – кто бы мог подумать! Они твердили, что это фамильная усадьба, господский дом в деревне. Эдгар сказал, что поскольку он старейший из ныне живущих Пинхоу, то имеет право там жить! Собирался переименовать дом в Поместье Пинхоу!

Папа усмехнулся:

– Этот Эдгар – напыщенный дурак. Я ему прямо в лицо сказал, что ничего у него не выйдет. Дом принадлежит мне. Он перешел ко мне после смерти Старого Деда, просто Бабке было очень важно остаться там, вот я ей и разрешил.

Марианна о таком и не подозревала. И вытаращила глаза:

– Так что, мы теперь будем там жить?!

И стоило столько трудиться и переучивать Фундука, с досадой подумала она.

– Нет-нет, – ответил папа. – Там мы живо слетим с катушек почище Бабки. Нет, я надумал продать дом, выручить денег и дать Исааку за то, что Бабка будет жить у него в Лошине. Им с Диной деньги очень пригодятся.

– Тут опять разразился скандал, – сказал дядя Ричард. – Видела бы ты, какое сделалось лицо у Эдгара! А Лестер заявил, что если и продавать дом, то только кому-то из Пинхоу, а Джой разоралась, что ей полагается доля. Правда, Артур и Чарльз живо ее заткнули – сказали: «Ну так продай его кому-то из Пинхоу». Было видно, что Эдгар сейчас просто лопнет – он решил, что его хотят заставить заплатить за дом, а он-то считал, что дом и так его!

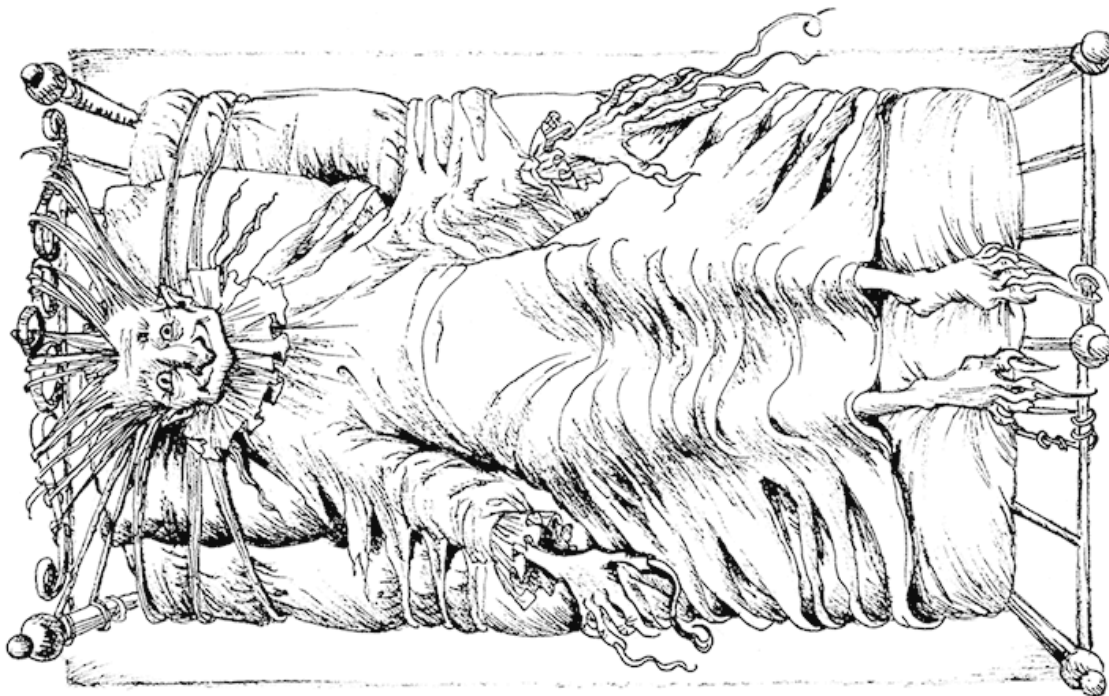
Папа улыбнулся.

– Эдгару я его нипочем не продал бы. Его ветвь семейства родом из Хоптона. Нет уж – зато я поручил ему оформить продажу. Велел найти какого-нибудь лондонского богатея, какой заинтересуется, и выручить как можно больше. А теперь, пожалуй, пора на боковую. Что-то мне подсказывает, что завтра придется попотеть с Бабкиным переездом.

Папа всегда все преуменьшал. Но к вечеру следующего дня Марианна пришла к выводу, что это было рекордное папино преуменьшение.

Глава третья

Едва рассвело, все собрались во дворе «Герба Пинхоу» – и Пинхоу, и Каллоу, и полу-Пинхоу, и все свойственники Пинхоу, и все двоюродные и троюродные, старые, молодые, средних лет, ближние и приехавшие за много миль. Пришел и дядя Ричард с ослицей Долли, впряженной в папину тележку для доставки мебели. Дедушка Эдгар ждал на улице в своем экипаже, стоявшем рядом с огромным сверкающим автомобилем дедушки Лестера. Для них во дворе места не хватило – столько было народу и столько велосипедов притулилось среди уймы швабр и метелок у пристройки для пивных бочонков, а перед велосипедами стояла еще телега дяди Седрика. Был там и насупленный Джо вместе с Джоссом Каллоу из замка и примерно сотней дальних родственников, которых Марианна, наверное, раньше ни разу и не видела. Не было там, пожалуй, только тети Джой – ей нужно было сортировать почту, и тети Дины: та осталась в Лощине готовиться к прибытию Бабки.

Марианна попыталась было бочком протолкаться к брату и выяснить, как ему там живется среди всех этих врагов-кудесников, но не успела: дядя Артур взобрался на телегу дяди Седрика (папа присоединился к нему ради моральной поддержки) и начал раздавать всем указания. То, что на эту роль был избран дядя Артур, имело смысл. Голос у дяди Артура был зычный и звучный, совсем как у дедушки Эдгара. Потом никто не скажет, что не расслышал.

Всех разделили на бригады. Одни должны были вывезти все из Лесной усадьбы, чтобы подготовить дом к продаже, другие – перевезти Бабкино личное имущество в Лощину, а третьи – помогать тете Дине готовить комнату для Бабки. Марианну определили в четвертую бригаду, которая должна была переправить в Лощину саму Бабку. Джо, к огорчению Марианны, отрядили помогать тете Дине.

– К обеду все должно быть готово! – закончил дядя Артур. – Ровно в час дня здесь, в «Гербе Пинхоу», нам всем подадут праздничное угощение. Вино и пиво за счет заведения.

Пока Пинхоу приветствовали это объявление радостными криками, преподобный Пинхоу взобрался на телегу к дяде Артуру и благословил начинание.

– Бог в помощь! – провозгласил он.

Было видно, что за дело взялись всерьез.

Однако вскоре возникли сложности – и первым признаком стало то, что дедушка Эдгар остановил экипаж перед Лесной усадьбой, нарочно перегородив дорогу телеге дяди Седрика, и прошествовал в дом, едва разминувшись с диваном, который как раз выносили шестеро троюродных Пинхоу. Посреди передней стоял папа и пытался объяснить, какая мебель поедет в Лоцину вместе с Бабкой, а какую нужно убрать на хранение в амбар в деревне. Дедушка Эдгар прошагал прямо к нему.

– Послушай, Гарри, – пророкотал Эдгар самым зычным и высокомерным голосом. – Не возражаешь, если я возьму тот угловой сервант из передней? В амбаре он только отсыреет.

Следом явился дедушка Лестер и потребовал буфет из столовой. Марианна едва расслышала эти слова из-за криков: «С дороги!» и «Лестер, отгони машину! Диван не проходит!» и рыка дяди Ричарда: «Мне здесь ослицу надо развернуть! Уберите диван!»

– Похоже, у них там стенка на стенку, – заметил дядя Чарльз, проходивший мимо с книжной полкой, двумя жестянками из-под печенья и табуреткой. – Сейчас разберусь. Гарри, иди наверх. Там у Полли, Сью и прочих не ладится с Бабкой.

– Лапонька, сбегай посмотри, что случилось, – сказал папа Марианне, а потом повернулся к Эдгару с Лестером: – Да, забирайте сервант, будь он неладен, и буфет тоже, а потом уезжайте и не путайтесь под ногами. Сервант, между прочим, дешевка, из клееной фанеры! – пропыхтел он, нагнав Марианну на лестнице.

– Знаю. А у буфета все время отваливаются ножки, – отозвалась Марианна.

– Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, – пробурчал папа.

Крики снаружи перешли в вопли, перемежаемые пронзительными «Иа!». Марианна с папой обернулись и увидели, как диван плывет по воздуху прямо на перепуганную ослицу. Последовал жуткий грохот и звон: кто-то уронил стеклянный колпак с барсуком. Но разглядеть катастрофу у Марианны с папой не получилось: вниз по лестнице метнулся дядя Артур, прижимая к объемистому животу изящный прикроватный столик и крича:

– Гарри, беги скорее наверх! Беда!

Папа с Марианной протолкались мимо него и бросились в Бабкину спальню, где Джосс Каллоу и еще кто-то из троюродных пытались выдернуть ковер из-под ног взволнованно гомонивших тетушек и бабушек.

– Ой, наконец-то! – с облегчением воскликнула бабушка Кларисса, красная, растрепанная – ни следа обычной элегантности.

Бабушка Сью, почти такая же подтянутая и опрятная, как всегда, добавила:

– Не знаем, что и делать!

У всех тетушек были в руках охапки одежды. Видимо, Бабку пытались одеть.

– Не хочет приводить себя в порядок? – спросил папа.

– Если бы! – ответила бабушка Кларисса. – Посмотри!

Тетушки и бабушки расступились, толкая друг дружку, чтобы папе с Марианной было видно кровать.

– Господи боже мой, – выдохнул папа, и Марианна не стала укорять его за божбу.

Бабка вросла в кровать. Она утонула глубоко-глубоко в матрасе и распустила кругом множество тоненьких мохнатых корешков цвета ночной рубашки. Длинные ногти на ногах, словно прозрачные желтые лианы, обвили прутья спинки в изножье. Было видно, что у другой спинки, в изголовье, ее волосы и уши безнадежно приросли к подушке. Из зарослей тарасилось ее лицо – осунувшееся, наглое, самодовольное.

– Мама!.. – проговорил папа Марианны.

– Думал меня одолеть? – сказала Бабка. – Никуда я не поеду!

Марианна, кажется, прежде ни разу не видела, чтобы папа потерял терпение, но тут именно это и произошло. Его круглое приятное лицо сделалось багровым и блестящим.

– Еще как поедешь, – сказал он. – Хоть какие фокусы откалывай, а все равно поедешь к Дине и Исааку. Не трогайте ее, – велел он тетушкам и бабушкам. – В конце концов ей надоест. Давайте сначала вынесем всю мебель.

Легко сказать, но трудно сделать. В доме оказалось столько мебели – никто и не думал, что ее так много. В Лесной усадьбе когда-то хватало места для семерых детей и еще взрослых. Дом такого размера может вместить вдоволь столов, шкафов и стульев. А раз может, то и вместил. Телеги оказалось мало, и на ней пришлось бы ездить туда-сюда весь день. Джосс Каллоу вынужден был подогнать подводу с фермы дяди Седрика, а потом одолжить старую лошадь преподобного Пинхоу, чтобы запрячь в подводу.

На этом этапе дедушка Эдгар быстренько отбыл, пока никому не пришло в голову задействовать и его изящный щегольской экипаж, а дедушка Лестер благородно остался и предложил погрузить в свой автомобиль всякую мелочовку. И все равно телега, подвода и автомобиль сделали несколько рейсов к большому амбару на Хоптонском шоссе, а толпа Пинхоу помоложе ринулась туда на велосипедах и метлах, чтобы разгрузить добро, аккуратно расставить все в амбаре и наложить самые сильные сохраняющие чары. При этом оказалось, что и в новом доме Бабке, по мнению родных и близких, понадобится столько разных разностей, что ослице Долли пришлось бесконечно курсировать между Лесной усадьбой и Лющиной, скрипя доверху нагруженной тележкой.

– Не правда ли, чудесно, что на месте вы будете окружены привычными вещами? – проворковала бабушка Сью.

Чего это она так рассюсюкалась, удивилась Марианна, ведь почти ничем из этой груды Бабка при ней ни разу не пользовалась.

– А мы еще даже не заглянули на чердак! – простонал дядя Чарльз, когда они в очередной раз дожидались возвращения Долли с тележкой.

Оказывается, про чердак все забыли.

– Оставим на после обеда, – поспешно постановил папа. – Или вообще новому владельцу. Там только всякая рухлядь.

– А у меня была игрушечная крепость; наверное, она где-то на чердаке лежит, – припомнил дядя Симеон.

Но никто его, как водится, не услышал, поскольку тут как раз вернулся дядя Ричард с Долли, тележкой и маленькой девочкой из троюродных Пинхоу, которую прислала с поручением мама Марианны. Похоже, маме не терпелось выяснить, что стряслось с Бабкой.

– Все готово, – объявила маленькая Николь. – Сделали гениальную разборку.

– Что? – хором удивились тетушки.

– Вымыли пол и вытерли насухо и натерли, и ковер как раз поместился, – протарахтела Николь. – И вымыли окна, и протерли стены, и повесили новые шторы, и расставили мебель, и развесили картины и чучело форели, и Стаффорд и Конвей Каллоу дразнили козу, и она им наподдала, и...

– А, генеральную уборку! Я поняла, поняла! – догадалась тетя Полли.

– Спасибо, Николь. Беги скажи всем, что Бабка сейчас будет, – велел папа.

Но Николь сначала хотела дорассказать.

– И их отправили домой и отругали Джо Пинхоу, что он лентяйничает. А я была молодецом. Я помогала! – закончила она. И только после этого побежала передавать папины слова.

Папа медленно и устало побрел вверх по лестнице.

– Будем надеяться, Бабка уже выкорчевалась, – пробормотал он.

Ничего подобного. Более того, Бабка укоренилась в кровати прочнее прежнего. Когда бабушка Сью бодро воскликнула: «Бабка, встаем-встаем! Нам же хочется посмотреть на наш чистенький новенький домик?» – Бабка лишь с вызовом зыркнула на нее.

– Ладно тебе, мама, хватит уже! – воскликнул дядя Артур. – Ну и дурацкий вид у тебя!

– А нечего паялиться, – парировала Бабка. – Я же предупреждала – корнями вперед. Я в этом доме всю жизнь прожила!

– Ерунда! Какую там всю жизнь! – Папа снова стал красный и блестящий. – Ты двадцать лет прожила напротив Городского совета в Хоптоне, а потом уже сюда перебралась! В последний раз говорю: вставай, а не то перетащим тебя в Лощину вместе с кроватью!

– Развлекайтесь. Ежели тебя заклинило, Гарри, я ничего поделать не могу – с тех пор, как ты был маленький, – заявила Бабка и закрыла глаза.

– Отлично! – Папа разозлился пуще прежнего. – По моей команде все поднимаем кровать – раз, два, взяли!

В ответ Бабка постаралась сделаться как можно тяжелее. Под весом кровати затрещал голый пол. Никто не смог даже сдвинуть ее с места.

Марианна услышала, как скрипнули папины зубы.

– Превосходно, – процедил папа. – Все насылаем летательные чары.

Если насылать летательные чары, то можно сдвинуть что угодно одним пальцем. Но Бабкино колдовство свело их на нет. Все потели и пыхтели. У бабушки Клариссы от натуги развалилась прическа, изящные заколки и гребешки градом посыпались на Бабкины корни. А от всегдашней безупречной опрятности бабушки Сью не осталось и следа. Марианна подумала про себя, что трех слонов и то легче было бы поднять. Дядя Чарльз и четверо троюродных, оставшиеся грузить тележку Долли, бросились наверх на помощь, а за ними – дядя Ричард и дедушка Лестер. Но кровать все равно не желала сдвигаться и на волосок. В конце концов, когда все кто можно столпились вокруг кровати, шепча заклинание и напрягшись изо всех сил, Бабка зловредно ухмыльнулась и сняла свое заклятие.

Кровать подпрыгнула на два фута и полетела вперед. Все зашатались и зашатались. Бабушку Сью кроватью вынесло к двери и только на пороге отбросило в сторону. Больно при-
тиснув ее к косяку, кровать вылетела в коридор второго этажа, повернула и застряла. Бабушка Кларисса высвободила бабушку Сью, наспех насылав чары, раздалось громкое «Чпок!», и кровать снова понесло вперед. Она мчалась к лестнице, и никто не поспедал за ней, кроме дяди Артура. Дядя Артур обогнал кровать, вцепился в прутья изножья, мощно налег на них и остановил ее.

– Дурацкий вид, говоришь? – безмятежно улыбнулась ему Бабка.

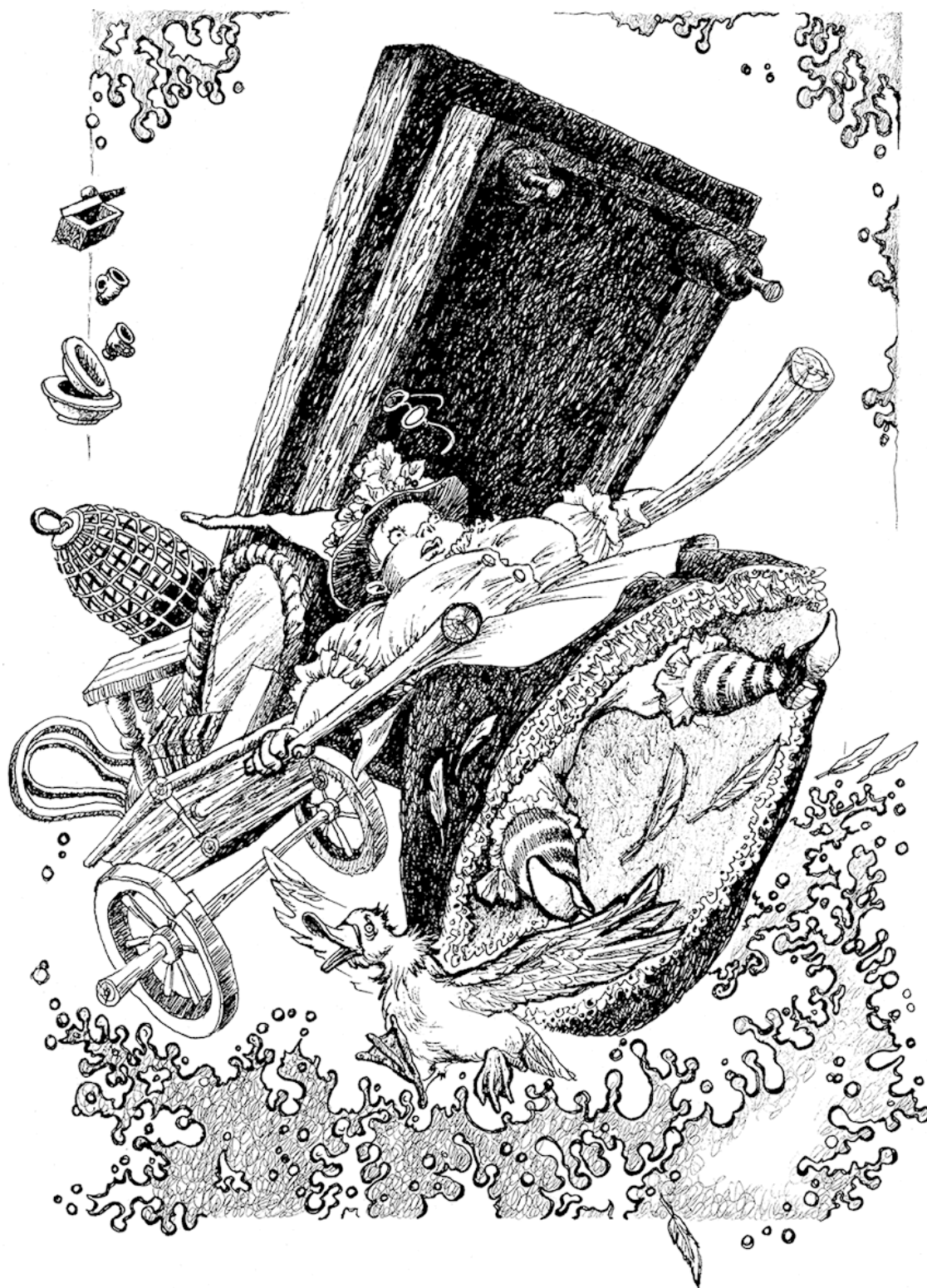
И кровать понеслась по лестнице вниз, а дядя Артур кинулся со всех ног улепетывать, как был, спиной вперед. На площадке кровать грациозно повернула, отбросила дядю Артура вбок – он подпрыгнул на обширном животе, словно мячик, – и проскочила последний пролет, будто санки с горки. В передней раздался дикий мям Фундука (тот, видно, опять сбежал и явился на старое место) – кот едва успел убраться с дороги.

Все, кроме дяди Артура, в ужасе свесились через перила и увидели, как Бабка со свистом вылетает в парадные двери и с оглушительным «Хрясь!» таранит автомобиль дедушки Лестера.

– Моя машина, моя машина! – взвыл дедушка Лестер и помчался за Бабкой.

– Хотя бы остановилась, и то радость, – сказал папа, когда все толпой ринулись следом за дедушкой Лестером. – Сама-то она цела? – спросил он, когда они увидели огромную вмятину в борту автомобиля, гору щепок и Бабку, которая лежала на спине – корни никуда не делись – все с той же безмятежной улыбкой.

– А что ей сделается! – ответил дедушка Лестер, ломая руки. – Только поглядите, что она натворила!

– И поделом тебе, – не открывая глаз, проговорила Бабка. – Ты сломал мой кукольный домик.

– Мне было пять! Шестьдесят лет прошло, кошмарная ты старуха! – простонал дедушка Лестер.

Папа склонился над кроватью и спросил:

– Теперь-то ты встанешь и пойдешь?

Бабка притворилась глухой.

– Прекрасно! – взорвался папа. – Всем снова насладиться летательные чары. Умрем, но доставим ее в Лощину – я так решил!

– Умрете-умрете, куда денетесь, – ласково посулила Бабка.

По мнению Марианны, если им и суждено было умереть, то от стыда. Они снова развернули кровать и, нашаривая, за что бы ухватиться, и наступая друг другу на пятки, выволокли ее за ворота на деревенскую улицу. Тут преподобный Пинхоу, который стоял в церковном дворе, перемахнул через ограду и поспешил на подмогу.

– Надо же, – покачал он головой. – Вот уж не ожидал такого от старой миссис Пинхоу!

Он вклинился в общую сутолоку, и они заковыляли под горку, через всю деревню. Склон становился все круче, и под конец носильщики только радовались, что преподобный Пинхоу не силен в летательных чарах. Кровать очень сильно разогналась, а старания преподобного Пинхоу ее хоть немного, да притормаживали. Процессия уже не брела, а торопливо трусила, однако со всех сторон стекались неколдуны и не-Пинхоу и пристраивались трусить в ногу, чтобы поглазеть на Бабку с ее корнями. И из окон тоже высывались.

– В жизни не видели, чтобы человек такое вытворял! – твердили все. – А что, она теперь всегда такая будет?

– А черт его знает! – страшно ругался папа, красный и блестящий пуще прежнего.

Бабка улыбалась. Вскоре выяснилось, что она приберегла для них еще по крайней мере один трюк.

Позади кто-то отчаянно закричал. Все вывернули шеи и увидели, как по улице к ним несется дедушка Лестер, а за ним мучительно хромотает дядя Артур. Что они кричат, никто не разобрал, зато жесты были очень даже понятные: дедушка Лестер с дядей Артуром махали тем, кто нес кровать, чтобы прижались к обочине.

– Всем принять вправо, – скомандовал папа.

Кровать вместе с толпой носильщиков тяжело свернула вправо, к домам, и все, кто был со стороны Марианны, стали спотыкаться о пороги и обдирать щиколотки о крылечки, и тут позади них на улице показалась ослица Долли, которая мчалась со всех ног, таща за собой громохочущую тележку с мебелью.

– Караул! – закричал дядя Ричард.

За Долли, настигая ее с каждым шагом, гнался на шести толстенных ножках огромный кухонный стол из Лесной усадьбы. Все на улице предостерегающе закричали, загалдели и разбежались в стороны. Дядя Артур съезжился на ступеньках «Герба Пинхоу». Дедушка Лестер метнулся в противоположную сторону и скрылся в продуктовой лавке. И только дядя Ричард храбро выпустил кровать и бросился выручать Долли. Он хотел оттащить ее в сторону, но Долли, с остекленелым от ужаса взглядом, увернулась от него и бешено зацокала копытцами прочь. Дяде Ричарду пришлось броситься ничком: массивный стол развернулся и помчался на него, молотя шестью ножками, будто поршнями. Скорее всего, Бабка хотела, чтобы стол погнался за кроватью и носильщиками, однако, когда он подскочил поближе, дядя Чарльз, папа, дядя Симеон и преподобный Пинхоу дружно пнули стол в ребро столешницы. Стол развернуло обратно на улицу. Никто глазом не успел моргнуть, как он снова погнался за Долли.

Пока стол вертелся, Долли успела немного увеличить дистанцию, но тут он помчался так быстро, что стало ясно: если Долли не успеет свернуть вправо к подножию холма, в сторону Дрокового коттеджа, или влево, к Лощине, ее расплющит о кирпичную ограду почты. Все, кроме Марианны, затаили дыхание. А Марианна выпалила:

– Бабка, если ты убьешь бедную Долли, я тебя не прощу!

Бабка открыла один глаз. Марианне показалось, что глаз глядит пристыженно.

Долли обнаружила, что бежит прямо в стену, и испустила отчаянное «Иа!». И умудрилась – как именно, никто не понял – вместе с тележкой броситься в Лощинный проулок. Тележка подскочила, сбросила птичью клетку, журнальный столик и сушилку для полотенец,

но устояла на колесах. И Долли и тележка скрылись из виду – только затихали вдали истошные «Иа! Иа!».

Стол свернуть не успел и на всех парах протаранил ограду почты. Гордо игнорируя засыпавшие его кирпичи, он вломился в палисадник и пропахал альпийскую горку за оградой.

И лишь тогда застыл.

Потрясенные кроватные носильщики робко приблизились к дыре, чтобы оценить масштаб разрушения, на руинах альпийской горки высилась тетя Джой, грозно скрестив руки на груди.

– Ну что, счастливы, кошмарная вы старушенция? – проговорила она, глядя в самодовольное лицо Бабки. – Постыдились бы – всех заставить себя таскать! А денег у вас хватит ремонт оплатить? Хватит или нет? Я тут ни при чем, я раскошеливаться не обязана!

– Абракадабра! – заявила Бабка. – Рододендрон!

– Давайте-давайте, прикидывайтесь, будто у вас шарики за ролики заехали, – кивнула тетя Джой. – Родня-то потом все покроет, как обычно. А я бы на их месте давно вывалила вас в утиный пруд! Ах вы, растрекля...

– Тихо, Джой! – приказал папа. – Ты имеешь полное право сердиться, а за ограду мы заплатим, как только продадим дом, но будь любезна без проклятий!

– Ладно, стол хотя бы уберите, – сдалась тетя Джой, повернулась и ушла обратно на почту. Все посмотрели на огромный стол, полузаваленный землей и кирпичами.

– Что, потащим его в Лощину?.. – с сомнением проговорил кто-то из троюродных.

– А где ты его там поставишь, интересно? – спросил дядя Чарльз. – Наполовину в утиный пруд или на попу, чтобы половина сквозь крышу торчала? Домишко-то там крошечный! И говорят, что этот стол сколачивали прямо в кухне Лесной усадьбы! И правда – иначе как его туда внесли?

– Как он в таком случае оттуда выбрался? – спросила бабушка Сью.

Папа с остальными дядюшками испуганно переглянулись. Кровать перекосило – дядя Симеон отпустил свой угол и помчался вверх по холму проверить, не рухнула ли Лесная усадьба. Марианна была готова спорить, что Бабка ехидно ухмыльнулась.

– Пошли, – сказал папа.

Они добрались до Лощины и обнаружили, что Долли, как была, вместе с тележкой, стоит в утином пруду и вся трясется, а сердитые утки кричат на нее с бережка. Дядя Ричард, преданный друг Долли, отпустил свой угол кровати и кинулся в пруд успокаивать ослицу. Тетя Дина, мама, Николь, Джо и целая толпа прочей родни, переполошившись, высыпали из домика встретить всех остальных.

Все со вздохом облегчения опустили кровать на траву. Бабка тут же села и царственно повела рукой в сторону тети Дины.

– Добро пожаловать в твое скромное жилище, – провозгласила она. – Чашке горячего мармелада тоже будет большое добро пожаловать.

– Ну так прошу в дом, душенька, – сказала тетя Дина. – И чай как раз заварился.

Она взяла Бабку под руку и ласково, но твердо отвела в дом.

– Господи! – охнул кто-то. – Представляете, уже четыре часа!

– Стол? – предложил дядя Чарльз.

Марианна сразу поняла, что он не хочет еще сильнее злить тетю Джой.

– Момент, – ответил папа.

Он стоял и смотрел на домик и все не мог отдышаться. Марианна почувствовала, как он что-то выстраивает вокруг дома – медленно и тщательно, точно так же, как делает мебель.

– Ну и дела, – сказал преподобный Пинхоу. – Крайние меры, Гарри.

А мама сказала:

– Ты сделал так, что она никогда не сможет выйти отсюда. Ты уверен, что по-другому нельзя?

– Да, – кивнул папа. – Иначе стоит мне отвернуться, и она удерет. А что она может натворить, если ее разозлить, вы все понимаете. Мы доставили ее сюда, и никуда она отсюда не денется, я это обеспечил. А теперь давайте уберем этот стол, будь он неладен.

Они толпой вернулись к почте, а там все стали глазеть на разрушенную ограду, охать и ахать.

– Эх, жалко, я не видел!.. – огорчился Джо.

– Ты бы удрал быстрее Долли! – рявкнул усталый, задерганный папа. – Всем – летательные чары!

Заручившись помощью большей части отряда уборщиков, папе удалось довольно быстро высвободить стол из дыры в ограде, подняв целую тучу кирпичных осколков, красной пыли, травы и земли. Однако быстро втащить его на холм совсем не получилось. Стол был тяжеленный. Все то и дело отходили, пошатываясь, к крылечкам, чтобы посидеть и перевести дух. Но папа всех подгонял, пока они не поравнялись с «Гербом Пинхоу». Там им навстречу как раз подошел дядя Симеон, и было видно, что у него прямо гора с плеч свалилась.

– Ничего страшного, я все могу отремонтировать, – бодро доложил он. – Стол вынес полстены в кухне вместе со шкафчиками и задней дверью. В понедельник приведу туда ребят – и займемся. Сущая ерунда по сравнению с оградой почты. Тут понадобятся и время, и деньги.

– Что поделаешь, – вздохнул папа.

Со двора прихрамал дядя Артур – он опирался на палку, под глазом наливался свежий синяк.

– Наконец-то! – сказал дядя Артур. – Элен там рвет и мечет – обед-то совсем остыл! Заходите и садитесь уже, ради всего святого!

Они оставили стол где был, так что он перегородивал проход во двор, под вывеской с грифоном и единорогом, качавшейся на ветру, и потянулись в гостиницу. Хотя вид у тети Элен был недовольный, угощение всех совершенно устроило. Даже элегантная бабушка Кларисса была замечена в том, что взяла себе две порции ростбифа и четыре – овощного гарнира. Почти все съели по три обеда. А еще подавали пиво, глинтвейн и ледяной компот – именно то, что нужно всем и каждому. Тут Марианне наконец удалось перемолвиться словечком с братом.

– Как идут дела в замке?

– Скучотища, – пожаловался Джо. – Все мою и бегаю с поручениями. Между прочим, – добавил он, опасливо покосившись на спину Джосса Каллоу, высившегося за соседним столиком, – нет на свете места, где так легко увильнуть от работы. Я уже все в замке облазил.

– А Семейство не возражает? – спросила Марианна.

– Главных там сейчас нет, – ответил Джо. – Завтра возвращаются. Экономка чуть не упала, когда мы с Джоссом попросили выходной. Мы сказали, нам на похороны бабушки, то есть Джосс так сказал...

Марианна поежилась – не сглазить бы бедную Бабку! – и задала вопрос, все это время вертевшийся у нее на языке:

– А дети? Они тоже кудесники, да?

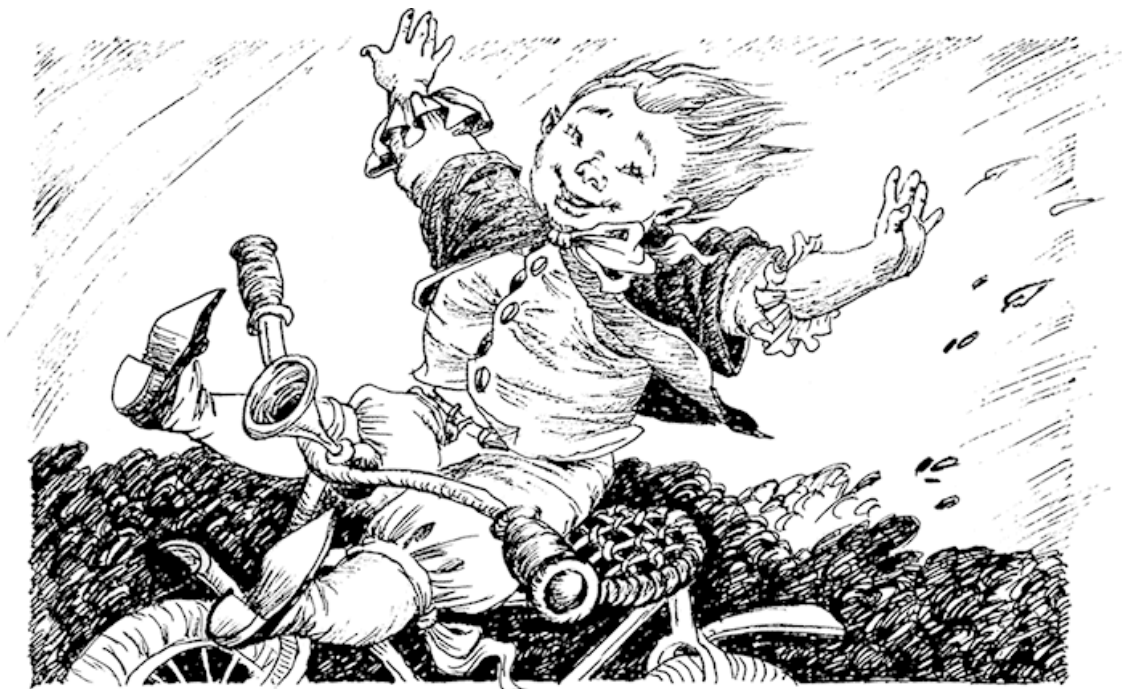
– Один – да, – кивнул Джо. – Слуги этого не одобряют. Говорят, в его лета это противоестественно. А остальные просто обычные ведьмы и колдуны вроде нас – судя по тому, что о них рассказывают. Пойдешь за добавкой ростбифа? Захвати и мне, хорошо?

Ели и пили долго, почти до заката. Было довольно поздно, когда веселая компания двоюродных и троюродных дотасила-таки стол обратно в Лесную усадьбу, затолкала в раскуроченную кухню и кое-как залатала пробоину до понедельника. Вторая бригада, распевая пьяные песни, двинулась под гору разобрать кирпичи у почты.

А про чердак все начисто забыли.

Глава четвертая

По пути домой с юга Франции дочь Крестоманси Джулия купила книжку под названием «Мой собственный пони», чтобы скоротать время в поезде. На полдороге через Францию воспитанница Крестоманси Дженет стянула книжку у Джулии и прочитала ее сама. После этого ни та ни другая не могли говорить ни о чем, кроме лошадей. Брат Джулии Роджер зевал. Мур, самый младший, старался не слушать и уповал на то, что скоро эта тема им надоест.

Однако лошадиная лихорадка только набирала силу. К тому времени, как они сели на паром через Канал, Джулия и Дженет постановили, что умрут, если у каждой из них в тот миг, когда они вернутся в замок, не окажется по лошади.

– До школы осталось всего полтора месяца! – сокрушалась Джулия. – Нужно сразу-сразу, а не то пропустим все любительские соревнования!

– Целое лето впустую! – подхватила Дженет. – А вдруг твой папа не разрешит?

– Иди и узнай у него прямо сейчас, – велела Джулия.

– А почему я? – спросила Дженет.

– Потому что он очень беспокоится, что ему пришлось забрать тебя из твоего мира без предупреждения, – объяснила Джулия. – Он боится, что тебе здесь плохо. Кроме того, у тебя голубые глаза и золотистые волосы...

– У Мура тоже! – перебила ее Дженет.

– Но ты можешь похлопать на папу ресницами, – сказала Джулия. – А у меня ресницы короткие, не получится.

Однако Дженет, которая страшно робела перед Крестоманси – ведь он, в конце концов, был самый могущественный кудесник на всем белом свете, – соглашалась разговаривать с Крестоманси только при условии, что Джулия будет держать ее за руку. А Джулия – теперь, когда мысль о собственной лошади перестала быть просто милой фантазией и вот-вот должна была воплотиться в жизнь, – обнаружила, что тоже сильно боится отца. Она сказала, что пойдет с Дженет, только если мальчики тоже пойдут и поддержат их.

Ни Роджер, ни Мур совершенно не рвались на помощь. Почти всю дорогу через Канал они препирались. Наконец, когда уже были хорошо видны белые утесы Дувра, Джулия сказала:

– Зато если вы пойдете и папа согласится, вам больше не придется слушать, как мы об этом говорим!

Тогда Мур и Роджер решили, что дело того стоит. И покорно втиснулись вместе с девочками в каюту, где лежал и, судя по всему, крепко спал Крестоманси.

– Выйдите, – сказал Крестоманси, похоже даже не проснувшись.

Жена Крестоманси Милли сидела на койке и штопала чулки Джулии. Наверное, просто от нечего делать: Милли была кудесница и могла почти все починить одной силой мысли.

– Солнышки, он очень устал, – прошептала она. – Не забывайте, что, перед тем как мы отправились домой, ему пришлось доставить в Италию мальчика-итальянца, который так скверно переносит путешествия.

– Да, но с тех пор он отдыхает, – возразила Джулия. – И у нас срочное дело.

– Хорошо, – произнес Крестоманси и приоткрыл сверкающие черные глаза. – Ну что?

Дженет отважно прокашлялась.

– Нам с Джулией нужно по лошади.

Крестоманси тихонько застонал.

Не слишком многообещающе – однако начало было положено, и Дженет с Джулией вдруг нашли очень красноречивые выражения, чтобы описать, как отчаянно, срочно и насущно им нужны лошади или, на худой конец, пони, подкрепив это подробнейшим описанием того, какую именно лошадь каждая хочет получить.

Крестоманси все стонал.

– Помнится, и со мной такое было, – заметила Милли, закрепляя нитку. – На второй год обучения в пансионе. Никогда не забуду, в каком я была отчаянии, когда старик Габриэль де Витт наотрез отказался меня слушать. От лошади никому вреда не будет.

– А велосипеды не годятся? – спросил Крестоманси.

– Неужели не понятно? Это совсем другое дело! – страстно воскликнули девочки.

Крестоманси закинул руки за голову и поглядел на мальчиков.

– У вас у всех такая одержимость? – уточнил он. – Роджер, ты тоже мечтаешь об иссиня-черном жеребце?

– Да мне бы лучше велосипед, – сказал Роджер.

Крестоманси смерил взглядом пухлую фигуру Роджера. И сказал:

– Решено. Моцион тебе полезен. А ты, Мур? На чем ты жаждешь мчаться по полям и лесам – на колесах или на копытах?

Мур засмеялся. Он ведь тоже был кудесник с девятью жизнями.

– Нет, – ответил он. – Я ведь всегда могу телепортироваться.

– Хвала небесам! Хоть один из вас в своем уме! – проговорил Крестоманси. – Хорошо.

Я обдумаю вашу просьбу на определенных условиях. Видите ли, лошади требуют много ухода и внимания, а Джереми Каллоу...

– Джосс Каллоу, милый, – поправила его Милли.

– Наш конюх, как бы его ни звали, – проговорил Крестоманси, – и так перегружен работой с теми лошадьми, которые у нас уже есть. Поэтому вам, девочки, придется согласиться делать все то, в чем постоянно нуждаются, как мне рассказывали, эти капризные создания: выгребать навоз, убирать в стойлах, чистить лошадей и так далее. Пообещайте мне, что вы будете это делать, и я соглашусь приобрести вам одну лошадь на двоих – для начала.

Джулия и Дженет тут же дали слово. Они были на седьмом небе. В эту минуту все, что связано с лошадью, даже необходимость выгребать навоз, звучало для них как песня. И, к возмущению Роджера, всю дорогу до замка они только об этом и говорили.

– Ладно хоть велосипед на этом получил, и то радость, – сказал Роджер Муру. – Неужели тебе совсем не хочется велосипед?

Мур замотал головой. Он не видел в велосипеде никакого смысла.

Крестоманси сдержал слово. Едва вернувшись в замок, он вызвал своего секретаря Тома и велел ему заказать велосипед с мужской рамой и принести все журналы и газеты, где могут оказаться объявления о продаже лошадей. А справившись со всеми делами, которые Том вывалил на него в ответ, позвал Джосса Каллоу и попросил его посоветовать, как выбрать и купить подходящую лошадь. Джосс Каллоу, который в тот день имел вид несколько бледный и утомленный, собрался и показал себя с наилучшей стороны. Они расстелили газеты и лошадиные журналы по всему кабинету Крестоманси, и Джосс рассказал все-все о том, какие стати, родословная, норы и цена должны быть у приличной лошади. На севере Шотландии выставили на продажу кобылу, которая показалась Джоссу идеально подходящей, однако Крестоманси сказал, что это далековато. С другой стороны, прямо в соседнем графстве маг по фамилии Прендергаст продавал славного конька. Родословная у него была прекрасная, звали его Саламин, и стоил он значительно дешевле. Джосс Каллоу заинтересовался.

– Поезжайте и посмотрите на него, – рассудил Крестоманси. – Если он смирный и сколько-нибудь оправдывает хвалебные слова, которые говорит о нем Прендергаст, скажите владельцу, что мы покупаем коня, и доставьте животное в Боубридж поездом. А оттуда вы сможете приехать верхом, не так ли?

– Безо всякого труда, сэр, – с некоторым сомнением в голосе ответил Джосс Каллоу. – Но сколько придется потратить на дорогу...

– Деньги – не препятствие, – сказал Крестоманси. – Мне нужен конь, и немедленно, иначе нам покоя не будет. Отправляйтесь взглянуть на него прямо сегодня. Переночуйте там – я дам вам денег – и, если удастся, доставьте его сюда уже завтра. Если он не подходит, телефонируйте в замок, и мы попытаем счастья в другом месте.

– Да, сэр.

И Джосс Каллоу, несколько ошарашенный подобной внезапностью, пошел дать конюшенному мальчику точные указания на время своего отсутствия.

Он появился в конюшне как раз в тот момент, когда Джулия и Дженет пытались открыть большой сарай в дальнем конце двора.

– Эй! – воскликнул он. – Вам нельзя. Там же склад мистера Джейсона Йелдема, не что-нибудь. Если попортите чары, которые он там держит, он нам всем голову оторвет!

Джулия сказала:

– Ой, я не знала. Извините.

Дженет спросила:

– Мистер Джейсон Йелдем – это кто?

– Папин специалист по травам, – ответила Джулия. – Он просто чудо. Мой любимый кудесник.

– А еще он хранит в этом сарае сто тысяч семян, большинство из чужеземных миров, и миллион горшков с растениями под стасисом, – сказал Джосс Каллоу. – А что вам там понадобилось?

– Мы искали подходящее место, где можно поселить нашу лошадь, – с достоинством сообщила Дженет.

– А конюшня чем плоха? – удивился Джосс.

– Мы там смотрели, – ответила Джулия. – Денник какой-то маленький.

– Понимаете, наша лошадь не такая, как все, – пояснила Дженет.

Джосс Каллоу улыбнулся.

– Придется вашему коньку привыкать, будь он хоть трижды не такой, как все, – ласково сказал он. – Вы же не хотите, чтобы он чувствовал себя тут чужим. А теперь бегите. Если повезет, он уже завтра будет здесь.

– Правда? – ахнули обе.

– Вот собираюсь за ним ехать, – сказал Джосс.

– Жокейская форма! – переполошилась Дженет. – Джулия, нам нужна жокейская форма! Скорее!

И они помчались искать Милли.

Милли, обожавшая водить огромный шикарный автомобиль Крестоманси, погрузила туда Джосса Каллоу вместе с девочками и подбросила конюха до Боубриджа, а потом повезла Джулию и Дженет по магазинам. Джулия вернулась уже в полнейшем помрачении с охапкой одежды для верховой езды. Дженет, тоже с охапкой, почти все время молчала. Когда-то она жила в другом мире, и ее родители были люди небогатые. Она была потрясена тем, какое, оказывается, дорогущее снаряжение нужно для конного спорта.

– Один только шлем, – шепнула она Муру, – стоил карманных денег за десять лет!!!

Мур только пожал плечами. Он не понимал всей этой глупой суматохи, но порадовался, что у Дженет появилась новая тема для размышлений, а то все лошади да лошади. Самому Муру после юга Франции было как-то скучно. Скучно и уныло. Даже яркий солнечный свет, игравший на бархатно-зеленых лужайках, казался тусклее прежнего. И обычные занятия уже не привлекали. Мур подозревал, что он почти из всего вырос.

Наутро прибыл возчик из Боубриджа и привез Роджеру сверкающий новенький велосипед. Мур вместе со всеми спустился по парадной лестнице полюбоваться.

– Вот это я понимаю, вещь! – Роджер взял велосипед за блестящий руль и поставил его на колеса. – Кому нужны лошади, когда есть такое?

Дженет и Джулия, само собой, испепелили его взглядами. Роджер в ответ только просиял и снова поглядел на велосипед. Тут улыбка у него медленно погасла, сменившись неуверенной гримасой.

– Тут какая-то палка от седла до руля, – проговорил он. – А как...

Крестоманси стоял, сунув руки в карманы небесно-голубого халата с ослепительно-золотыми вставками.

– Полагаю, – проговорил он, – тебе надо поставить левую ногу на ближайшую педаль, а правую перекинуть через седло.

– Да? – спросил Роджер. И с сомнением последовал отцовскому совету.

Миг он простоял прямо, шатаясь, а потом вместе с велосипедом накренился и с грохотом рухнул на дорожку. Мур сморщился.

– Не очень-то получилось, – сказал Роджер и поднялся, разбрасывая щебенку.

– Думается, ты забыл покрутить педали, – предположил Крестоманси.

– А как можно одновременно крутить педали и держать равновесие? – поинтересовалась Джулия.

– Величайшая тайна мироздания, – ответил Крестоманси. – Однако мне не раз доводилось видеть, как это проделывают.

– А ну замолчите! – сказал Роджер. – У меня все получится!

Ему понадобилось три попытки, однако он все же сумел поставить обе ноги на педали и заложил крутой вираж на дорожке. Вираж закончился в большом лавровом кусте. Роджер помчался дальше, а велосипед почему-то нет. Мур опять поморщился. И даже удивился, когда Роджер вынырнул из куста, словно морж из морской пучины, подхватил велосипед и мрачно оседлал его снова. На этот раз вираж закончился на другой стороне дорожки, в колючих кустах.

– Тут нужно время, – заметила Дженет. – Я три дня тренировалась.

– Ты что, умеешь ездить на велосипеде?! – поразилась Джулия. Дженет кивнула. – Только Роджеру не говори, – сказала тогда Джулия. – Поощрим его самолюбие.

Все утро в саду слышалось одно и то же: сначала шуршание щебенки, потом грохот, а затем то и дело увесистый треск – это пухлое тело плюхалось в очередной куст. Мур заскучал и ушел.

Саламина привезли уже днем. В это время Мур был у себя в комнате на самом верхнем этаже замка. Однако он отчетливо почувствовал, в какой момент Джосс Каллоу ввел Саламина в ворота конюшни и чары, наложенные вокруг замка Крестоманси, сняли те чары, которые наложил на Саламина маг Прендергаст. Это было как удар током. Муру стало так интересно, что он тут же бросился вниз по лестнице. Он не слышал оглушительного гулко-го звона, когда Саламин ударил в ворота передними копытами. И грохота, с которым ворота распахнулись, он тоже не слышал. И не видел, как Саламин вырвался у Джосса Каллоу. Когда Мур выбежал на прославленную по всей округе бархатную лужайку, там уже был и Саламин, а за ним гнались Джосс Каллоу, конюшенный мальчик, два лакея и почти все садовники. Саламин развлекался вовсю – уворачивался от всех, скакал туда-сюда, бешено тряс поводьями, а когда кто-нибудь приближался и готов был его поймать, взбрыкивал и галопировал прочь. Он был очень красивый. Больше Мур почти ничего и не заметил. Саламин был темно-темно-каурой масти, почти вороной, а грива и развевающийся шелковистый хвост – черные с оттенком полуночного неба. Он гордо держал свою точеную голову. Сложен был идеально – мускулистый и стройный, с изящными ногами, длинными и проворными. Он был не очень большой и двигался словно танцовщик, ловко ускользая и увертываясь от бегущих за ним людей, которые, вопя, норовили его изловить. Мур сразу понял, что Саламин от души веселится. И подбежал поближе, совершенно завороченный. Саламин так здорово морочил голову преследователям, что Мур не сдержался и хихикнул.

Джосс Каллоу, весь багровый, громогласно раздавал указания. Довольно скоро все перестали бестолково носиться по лужайке, а окружили Саламина неспешно сжимающимся кольцом. Мур понял, что коня вот-вот поймают.

И вдруг в круг ворвался Роджер на своем велосипеде – он размахивал обеими руками и бешено жал на педали, чтобы не упасть.

– Смотрите, без рук, без рук! – закричал он. – Получилось! Получилось! – Тут он увидел Саламина, и велосипед под ним зашатался. – Я не умею поворачивать! – сообщил Роджер.

Он промчался между садовниками, которые в ужасе бросились в разные стороны, и рухнул на землю прямо под ноги Саламину.

Саламин от неожиданности встал на дыбы, потом перескочил через Роджера с велосипедом и поскакал в совершенно новом направлении.

– Только в розарий не пускайте!.. – отчаянно взывал старший садовник, но поздно.

Ближе всех к розарию оказался Мур. Он бросился к арочному входу и краем глаза заметил лоснящийся каурый круп Саламина, свернувшего влево с щебеночной дорожки. Мур прибавил ходу, проскочил в арку и свернул вправо. Он рассчитал, что Саламин оббежит вокруг розария по самой широкой дуге. И расчет оказался верным. Мур с Саламином встретились примерно в двух третях пути по правой дорожке.

К этому времени Саламин перешел на неторопливую рысь, чуть повернув голову и насторожив уши, чтобы слышать шум и треск погони, приближавшейся с другой стороны розария. Завидев Мура, Саламин резко остановился и яростно вскинул голову. Мур прямо услышал, как Саламин подумал: «Вот зараза!»

– Да, понимаю, я тебе все удовольствие испортил, – сказал ему Мур. – Тебе же было так весело, правда? Но тут не разрешается портить лужайку. Оттого-то все и разошлись. Роджера, наверное, вообще убьют. Ты-то просто копытами дерн повырывал, а он целую борозду оставил.

Саламин наполовину опустил голову и пристально оглядел Мура. Потом не без любопытства вытянул шею и потыкался носом Муру в лицо. Нос у Саламина был мягонький и ворсистый и самую чуточку мокрый. Мур – тоже не без любопытства – положил руку на крепкую, теплую, лоснящуюся шею Саламина. И отчетливо уловил донесшуюся от Саламина мысль: «Мятное драже!»

– Хорошо, – сказал Мур. – Сейчас раздобуду.

Он наколдовал себе мятное драже из одного из тайничков Джулии и протянул его Саламину на левой ладони. Саламин очень осторожно, одними губами забрал лакомство.

В этот миг преследователи выскочили из-за угла и остоленели, налетев друг на друга, когда увидели, что Саламин с Муром преспокойно стоят на месте. Джосс Каллоу, который тоже был не лыком шит, прохромал Муру за спину – Саламин успел отдавить ему ногу – и спросил:

– Ну что, поймал?

Мур тут же подхватил болтавшиеся поводья.

– Да, – ответил он. – Проще простого.

Джосс Каллоу принялся.

– Ага, мятная конфета, – сказал он. – В этом-то и секрет, да? Жалко, не знал: поймал бы зверюгу в два счета. Иди-ка помоги братцу. Он весь перепутался с велосипедом, а как – непонятно.

Чтобы высвободить Роджера из велосипеда, Муру понадобилось очень серьезное колдовство, а потом им обоим пришлось потрудиться, чтобы зарастить борозду в дерне, которую пропахал Роджер, – в общем, Мур так и не увидел, как Джосс отвел Саламина в конюшню. Судя по всему, на это ушло много времени и мятных драже. После чего Джосс отправился в замок и попросил разрешения поговорить с Крестоманси.

В результате на следующее утро, когда Дженет и Джулия явились в конюшню, красные и смущенные, потому что на них была новенькая жокейская форма, их уже поджидал Крестоманси в туго подпоясанном черном шелковом халате с узором из алых хризантем на спине. Мур тоже был там, потому что Крестоманси попросил его присутствовать.

– По всей видимости, маг Прендергаст продал нам весьма ненадежную лошадь, – сказал девочкам Крестоманси. – Думается мне, нам следует продать Саламина на корм собакам и попытать счастья в другом месте.

Все похолодели.

– Как это – на корм собакам? – ужаснулась Джулия. – Папа, мы должны дать ему шанс исправиться!

А Мур пробурчал:

– Это нечестно!

– Тогда, Мур, вся надежда на тебя, – сказал Крестоманси. – Подозреваю, в лошадином волшебстве ты сильнее меня.

Джосс Каллоу вывел Саламина, взнузданного и оседланного. От Саламина резко пахло мятой, и вид у него был донельзя скучающий.

В утреннем свете он выглядел просто фантастически. Джулия ахнула от восторга. Зато Дженет, к собственному своему стыду, именно в этот миг обнаружила, что принадлежит к тем людям, кто до смерти боится лошадей.

– Какой он огромный! – сказала она и попятилась.

– Ерунда! – возразила Джулия. – Голова у него почти на одном уровне с твоей! Садись. Я тебе уступаю.

– Н-не могу... – выдавила Дженет.

Мур ужасно удивился: ее всю трясло.

– Учитывая вчерашние выходы этого животного, ты поступаешь мудро, – заметил Крестоманси.

– Ничего не мудро, – сказала Дженет. – Я просто перепугалась до одури. Ой, зачем только было тратить кучу денег на жокейскую форму!

И она разрыдалась и убежала в замок и спряталась там в пустой комнате.

Там ее и нашла Милли – Дженет сидела на голом матрасе и всхлипывала.

– Солнышко мое, не принимай это так близко к сердцу, – сказала Милли и села рядом с Дженет. – С лошадьми очень многие не ладят. Знаешь, думаю, Крестоманси тоже из таких. Он часто говорит, что не любит лошадей, потому что от них дурно пахнет, но мне кажется, дело не только в этом.

– Но мне так стыдно! – плакала Дженет. – Столько твердила, что хочу стать знаменитой наездницей, а теперь даже близко к лошади не могу подойти!

– Откуда ты знаешь? Ты ведь даже не попробовала, – сказала Милли. – Против природы не пойдешь, солнышко. Подумай о чем-нибудь, что у тебя хорошо получается.

Тут Дженет докопалась до истоков своего стыда.

– Я же подняла такой шум, заставила Крестоманси потратить кучу денег на коня – и все зря!

– По-моему, Джулия шумела не меньше, – улыбнулась Милли. – Ты же сама понимаешь, мы и без твоей поддержки в конце концов купили бы ей лошадь.

– А форма? Такая дорогушая! – воскликнула Дженет. – А я ее больше никогда-никогда не надену!

– Ну, глупости, одежду всегда можно кому-нибудь отдать, – сказала Милли. – Мне хватит пяти минут и самой чуточки волшебства, чтобы переделать твой костюм в запасную форму для Джулии или для кого угодно еще, кто захочет ездить верхом. Может, Роджер тоже захочет.

Дженет представила себе Роджера в своей жокейской форме верхом на Саламине и невольно хихикнула. Это была самая невероятная картина во всех Родственных Мирах.

– Так-то лучше, – сказала Милли.

Крестоманси тем временем говорил:

– Ну что, Джулия? Похоже, теперь это твой личный конь.

Джулия радостно подошла к Саламину. Внимательно выслушала все указания Джосса Каллоу, взяла поводья, поставила ногу в стремя и сумела взобраться в седло.

– Ой, ужасно высоко! – испугалась она.

Саламин умудрился выгнуть спину, и Джулия поднялась еще выше.

Джосс Каллоу чуть-чуть дернул повод, призывая Саламина к порядку, и ровным шагом повел коня вокруг двора, а Джулия храбро сжалась в качающийся комочек в седле. Все складывалось неплохо, но потом Саламин резко остановился и пригнул голову. Мур еле-еле успел насладиться чарами, которые привязали ее к седлу, словно веревка, а то она кувырнулась бы на землю прямо через Саламиновы уши. Саламин поглядел на него с кротким укором.

– Ну, Джулия, может, хватит на сегодня? – спросил Крестоманси.

Джулия стиснула зубы и процедила:

– Нет.

Она стойко выдержала еще двадцать минут езды вокруг двора, хотя Саламин то и дело сбивался с ровного шага и топал как попало, так что Джулия сползала с седла то туда, то сюда.

– Признаться, очень похоже, что животное просто не желает, чтобы на нем ездили, – сказал Крестоманси. И удалился в замок, где без лишних разговоров заказал два дамских велосипеда.

Джулия не сдавалась. Отчасти дело было в гордости и упрямстве. Отчасти – в восхитительном чувстве, что теперь Саламин принадлежит ей одной. Однако это ничуть не мешало Саламину вести себя так, что ездить на нем верхом было практически невозможно. Каждый раз, когда Джулия садилась в седло, Мур должен был быть на конюшне с веревочными чарами

наготове. Два дня спустя Джосс Каллоу открыл ворота в выгон и предложил Джулии проверить – может, на просторе дела у нее (или у Саламина) пойдут лучше.

Саламин тут же развернулся и поскакал в конюшню, а Джулия отчаянно вцепилась в его гриву. Двери в стойла были закрыты, поэтому Саламин ринулся в открытую низенькую дверцу кладовки для снаряжения. Джулия увидела стремительно приближающуюся притолоку и поняла, что сейчас лишится головы. Выкрикнув заклинание для летательных чар, она сумела подняться над седлом и приземлилась на крышу конюшни. Там она и сидела, пока Мур и Джосс вытаскивали Саламина из кладовки задом наперед, обвешанного шестью уздечками и полной упряжью для экипажа, заливалась горячими слезами и высказывала все, что накопилось:

– Ненавижу этого коня! Пусть себе идет на корм собакам, поделом ему! Кошмар какой-то, а не конь!

– Согласен, – сказал Крестоманси, возникший рядом с Муром в чудесном грифельно-сером костюме. – Может быть, ты хочешь, чтобы я купил тебе настоящую лошадь?

– И тебя тоже ненавижу! – завизжала Джулия. – Ты мне его купил только потому, что решил, будто это была дурацкая блажь!

– Неправда, Джулия! – возмутился Крестоманси. – Да, я и правда считал, что это глупо, но честно попытался сделать как лучше, а Прендергаст меня провел. Если хочешь, поищу какую-нибудь старенькую, толстенькую, смирную лошадку, а этого сдадим ветеринару. Как бишь его зовут? – спросил он Джосса.

– Мистер Вастион, – ответил Джосс, выпутывая мотающуюся голову Саламина из кожаной сбруи.

– Нет! Меня вообще от лошадей тошнит! – воскликнула Джулия.

– Ну, значит, к мистеру Вастиону, – постановил Крестоманси.

Муру была невыносима даже мысль о том, что такое прекрасное, такое полное жизни создание, как Саламин, превратят в корм для собак.

– А можно, он будет мой? – спросил он.

Все поглядели на него в полном изумлении, в том числе Саламин.

– Кто твой – ветеринар? – не понял Крестоманси.

– Нет, Саламин, – сказал Мур.

– Ну, ты сам напросился. – Крестоманси пожал плечами и повернулся, чтобы помочь Джулии слезть с крыши.

Мур обнаружил, что в одночасье стал владельцем коня. Поскольку все ждали от него именно этого, он подошел к Саламину и попытался вспомнить, чему Джосс учил Джулию. Поднял ногу, сумел дотянуться до нужного стремени, принял у Джосса поводья, оттолкнулся от земли – и легко вспорхнул в седло. Он бы не удивился, если бы в результате сел лицом к хвосту Саламина. Однако оказалось, что он смотрит между больших прядящих ушей за развевающейся черной гривой – прямо в испуганное лицо Джулии.

– Ну знаешь, так просто нечестно! – проговорила Джулия.

Мур понимал, что она имеет в виду. Едва он очутился в седле, как случилось какое-то странное волшебство – Мур с таким еще не сталкивался. Он откуда-то знал, что надо делать. Знал, как распределить вес, какие мышцы напрячь, а какие расслабить. И почти-почти наверняка знал, что чувствует Саламин – и удивление, и победное ощущение, что у него наконец-то появился нужный наездник, – и чего Саламину хочется. Они проскакали через двор, словно одно животное, которое почему-то состоит из двух частей, – перепуганный Джосс Каллоу кинулся следом – и вылетели в открытые ворота выгона. Там Саламин перешел на легкий, радостный галоп. Мур в жизни не был так счастлив.

Это длилось минут пять, а потом Мур свалился. Саламин был не виноват. Просто мышцы и кости, которыми Мур никогда раньше не пользовался, сначала заныли, потом завопили, а потом отказали. Саламин из-за этого ужасно огорчился и разволновался и стоял над Муром,

тычась в него носом, пока Джосс Каллоу не подскочил и не подхватил поводья. Мур попытался все ему объяснить.

– Вижу-вижу, – сказал Джосс. – Наверное, в каком-то другом мире вы с этим конем составляли одного кентавра.

– Вряд ли. – Мур поднялся с травы, словно древний-древний старик. – Говорят, я такой один во всех мирах.

– Точно, я и позабыл, – сказал Джосс. – Потому-то у тебя и девять жизней, как у Старшего.

Он всегда называл Крестоманси Старшим.

– Поздравляю! – крикнул издалека Крестоманси, который стоял, прислонясь к воротам, рядом с Джулией. – Полагаю, теперь тебе не придется телепортироваться.

А Джулия мстительно добавила:

– Не забудь, теперь навоз – твоя забота! – А потом вдруг улыбнулась с облегчением, словно дух перевела: – Я тебя тоже поздравляю.

Глава пятая

К вечеру у Мура разболелось все. Он сидел на кровати в своей круглой комнате в башне и думал, какие бы чары применить, чтобы руки, спина и что пониже перестали так болеть. Или хотя бы что-нибудь одно. В конце концов Мур решил наколдовать, чтобы у него все тело ниже шеи заморозилось, и размышлял, как бы это лучше сделать, и тут в дверь постучали. Мур подумал, что это Роджер вдруг стал вежливым, и сказал:

– Я тут, но провожу ужасные ритуалы, для которых в человеческом языке даже названия нет. Входи на свой страх и риск.

За дверью явно оробели. Потом ручка повернулась – очень медленно и осторожно, – и дверь тихонько открылась. На пороге стоял и смотрел на Мура насупленный мальчик, примерно ровесник Роджера, в ладно скроенной синей форме.

– Эрик Чант, что ли? – спросил мальчик.

Мур ответил:

– Да. А вы кто?

– Джо Пинхоу, – представился мальчик. – Временный рассыльный.

– А. – Теперь Мур вспомнил, что раз или два видел мальчика во дворе конюшни, когда тот говорил с Джоссом Каллоу. – Чем могу служить?

Джо нахохлился. Мур понимал, что это он от смущения, но от этого лицо у него сделалось враждебное и воинственное. Мур все про это знал. У него самого случались периоды ослиного упрямства, и довольно часто. Он ждал.

В конце концов Джосс сказал:

– Да просто хотел взглянуть на тебя, по правде говоря. Ты кудесник, так?

– Да, именно так.

– Мелковат ты для кудесника, – заключил Джо.

Мур ужасно разозлился. То, что у него болели все косточки, лишь подливало масла в огонь, но в основном ему просто до жути надоело, что все на свете, похоже, считали его слишком маленьким.

– Хочешь, докажу? – спросил он.

– Ага, – сказал Джо.

Мур лихорадочно соображал, что бы такого сделать. Мало того что Муру было запрещено колдовать в стенах замка – еще и по виду Джо сразу становилось ясно: произвести на него впечатление будет нелегко. Всякие пустяки, которые можно было наколдовать так, чтобы Крестоманси ничего не заметил, Джо, конечно, назовет фокусами или иллюзиями. И все равно Мур до того разозлился, что ему хотелось сделать хоть что-нибудь. Он уперся ноющими ногами в кровать и поднял Джо под самую серединку круглого потолка.

Получилось интересно. На миг Джо онемел и оцепенел от изумления, обнаружив, что висит в воздухе, болтая ногами в форменных брюках, а потом начал насыщать чары, чтобы спуститься. Чары были очень неплохие. И обязательно подействовали бы, если бы временного рассыльного заколдовал не Мур, а Роджер.

Мур ухмыльнулся.

– Так ты не слезешь, – сказал он и приклеил Джо к потолку.

Джо елозил плечами по потолку и брыкался.

– Спорим, как-нибудь, да спущусь? – проговорил он. – У тебя наверняка много сил на такое уходит.

– А вот и нет, – ответил Мур. – А еще смотри, как я могу.

И он плавно подвинул Джо по потолку к окнам. Когда Джо повис над самым большим окном, Мур сделал так, чтобы оно распахнулось, и начал опускать Джо и подталкивать его к окну.

Джо рассмеялся таким беспечным смехом, который на самом деле получился очень даже нервный.

– Ладно, верю-верю. Выкидывать меня в окошко необязательно.

Мур тоже засмеялся.

– Да не выкину я тебя. Опущу на дерево. Неужели тебе никогда не хотелось полетать немножко?

Джо перестал елозить и смеяться.

– Еще бы не хотелось! Но мальчики на метлах не летают. Ну давай. Сделай так, чтобы я улетел в деревню. Слабо?

– Э-э... Кхм, – сказал кто-то с порога.

Мур и Джо повернулись и обнаружили, что в дверях стоит Крестоманси. Это был как раз тот случай, когда Крестоманси казался до ужаса высоким – такое чувство, словно он мог заглянуть Джо прямо в глаза, а Джо в этот момент висел в добрых пятнадцати футах над полом.

– Думается мне, юноша, честолюбивое стремление научиться летать вам придется удовлетворить каким-то иным образом, – произнес Крестоманси. – Эрику категорически запрещено колдовать в стенах замка. Не правда ли, Мур?

– Ну, это... – промямлил Мур.

Джо, весь белый, сказал:

– Он не виноват... э-э... сэр. Понимаете, это я попросил его доказать, что он кудесник.

– А что, нужны доказательства? – удивился Крестоманси.

– Мне – да, – ответил Джо. – Я же тут новенький, и вообще, сами посудите, какой из него кудесник? Вот вы как считаете – похож он на кудесника?

Крестоманси задумчиво опустил глаза и посмотрел сверху вниз на Мура.

– Кудесники бывают всевозможных форм и размеров, – заметил он. – В случае Мура восемь человек, точно таких же, как он, в других мирах нашей серии либо вовсе не родились,

либо умерли при рождении. Большинство из них, вероятно, тоже оказались бы кудесниками. Мур обладает волшебными способностями девятерых.

– Как будто его из них слепили, понимаю-понимаю, – сказал Джо. – Тогда ясно, откуда столько силы.

– Да. Ну что ж, теперь, когда мы уладили этот больной вопрос, – молвил Крестоманси, – быть может, Эрик, ты будешь так добр и спустишь нашего друга на пол, дабы он мог вернуться к своим обязанностям.

Мур задрал голову, улыбнулся Джо и мягко опустил его на ковер.

– Ступайте, – велел Крестоманси.

– Вы хотите сказать, что не уволите меня?! – поразился Джо.

– А вы хотите, чтобы я вас уволил? – уточнил Крестоманси.

– Да, – кивнул Джо.

– В таком случае мне представляется, что достаточным наказанием для вас будет сохранить свою должность, несомненно весьма скучную, – сказал ему Крестоманси. – А теперь, пожалуйста, оставьте нас.

– Да провались оно все! – буркнул Джо, ссутулился и потащился вон.

Крестоманси проводил его взглядом.

– Какой эксцентричный молодой человек, – заметил он, когда дверь наконец закрылась. И повернулся к Муру с куда менее приветливым выражением лица. – Мур...

– Сам знаю, – вздохнул Мур. – Просто он не верил...

– Ты слышал сказку про Кота в сапогах? – спросил Крестоманси.

– Да, – оторопел Мур.

– Тогда ты, должно быть, помнишь, что великан погиб, поскольку поддался на провокацию – его уговорили превратиться сначала во что-то очень большое, а потом – в такое маленькое, что его оказалось можно съесть, – сказал Крестоманси. – Мур, будь бдителен.

– Но... – начал было Мур.

– Я пытаюсь объяснить тебе, – продолжал Крестоманси, – что даже самого могущественного чародея можно победить, если обратить против него его же силу. Я не хочу сказать, что этот юноша...

– Нет-нет, – замотал головой Мур. – Ему просто было интересно. Он сам тоже колдует и, по-моему, считает, что волшебная сила зависит от роста и веса.

– Он практикует магию... Неужели? – удивился Крестоманси. – Надо разузнать о нем побольше. А теперь идем: за колдовство в стенах замка полагается наказание – дополнительный урок теории магии.

А все равно Джо отличный парень, мятежно думал Мур, ковыляя следом за Крестоманси по винтовой лестнице. Он понимал, что Джо его не провоцировал. На уроке ему было трудно сосредоточиться. Тема была «Перформативные высказывания». В них самих не было ничего сложного. Просто говоришь что-то особым образом, и оно происходит именно так, как говоришь. Мур это умел – ну, приблизительно. Но вот почему так происходит, уразуметь никак не мог, несмотря на все объяснения Крестоманси.

На следующее утро Мур увидел Джо по дороге в конюшню и обрадовался. Джо выскочил ему навстречу из кладовки, где хранились сапоги для верховой езды; он был в одной рубашке, без форменной куртки, и прижимал к животу сапог.

– Что, крепко тебе вчера влетело? – с тревогой спросил он.

– Ничего страшного, – ответил Мур. – Всего-то дополнительный урок.

– Хорошо, – сказал Джо. – Я не хотел тебя подставлять, честное слово. А Старший-то страшный какой, правда? Смотришь на него – и словно весь усыхает, сразу начинаешь думать, сколько всего он может с тобой сотворить и что из этого самое худшее...

– Самое худшее? Даже и не знаю, – отозвался Мур. – Но думаю, это просто жуть. Ну, пока.

Он двинулся в конюшню, и ему сразу стало понятно, что Саламин заранее знал, когда он придет, и весь извелся от ожидания. Это было приятно. Но Джосс Каллоу раз и навсегда дал понять, что сначала надо выполнить остальные обязанности, например выгрести навоз. Для человека с талантами Мура это была пара пустяков. Он просто попросил все, что было на полу денника, перебраться в компостную кучу. Потом пригласил в денник свежую солому, а конюшенный мальчик буравил его завистливым взглядом.

– Хочешь, я все стояла так уберу? – предложил Мур.

Конюшенный мальчик сокрушенно мотнул головой.

– Мистер Каллоу меня убьет. Он, мистер Каллоу то есть, считает, что нет ничего полезнее тяжелого труда.

Вскоре Мур сам в этом убедился. Джосс Каллоу сказал, что ухаживать за Саламином при помощи волшебства нельзя, и все тут. И у Джосса были на то все основания. Даже самые мелкие намеки на колдовство поблизости действовали на Саламина весьма скверно. Так что Мур был вынужден ухаживать за ним самыми обычными способами, не жалея времени, и учиться по ходу дела.

С Саламином была еще одна сложность – он скучал. Когда Мур в жокейской форме – это была та самая форма, которую Милли купила Дженет, а потом весьма искусно переделала, – наконец оседлал Саламина и был готов вскочить на него, Джосс Каллоу постановил, что теперь они должны отправиться в загон и проделать там полный набор всяких упражнений по выездке. Мур не возражал: все мышцы и кости почти сразу заболели снова, как вчера. А вот Саламин был категорически против.

– Он хочет в галоп, – объяснил Мур.

– Хочет – значит перехочет, – отрезал Джосс. – Еще нельзя. Кто его знает, что там вытворял с ним тот волшебник, только теперь учиться твоему коню придется так же прилежно, как тебе самому.

Если вдуматься, Муру не меньше Саламина хотелось проскакать галопом по полям и лугам. Веди себя хорошо, и мы скоро поскачем гулять, сказал он Саламину. Саламин спросил: Скоро? Скоро-скоро? Да, ответил ему Мур. Скоро. Сейчас придется немного поскучать, зато скоро поскачем гулять. К великому облегчению Мура, Саламин ему поверил.

Потом Мур ушел в сторонку подумать. Раз Саламину так не нравится волшебство, значит Муру нужно заколдовать самого себя. Колдовать в замке ему запрещено, поэтому надо делать это там, где никто не заметит. И Мур тихонько-тихонько наслал на себя чары, чтобы укротить и натренировать все новые мышцы, которые теперь стали ему нужны. Он позволил Саламину показать ему, что требуется от наездника, а потом при помощи удивительного неволшебного волшебства, строго между ними, показал Саламину, как надо терпеть, вместо того чтобы скучать. Дело шло медленнее, чем рассчитывал Мур. Даже медленнее, чем у Дженет, которая, радостно хохоча, учила Джулию кататься на новеньком велосипеде. Роджер, Джулия и Дженет весело разъезжали вокруг замка и по всей деревне задолго до того, как Джосс Каллоу наконец удовлетворился успехами Мура и Саламина.

Но все равно это произошло довольно скоро. На самом деле Мур и не думал, что Джосс так быстро смирится и решит, что им уже можно отправиться на настоящую прогулку.

И они поскакали бок о бок – Джосс на крупном кауром жеребце, Мур на Саламине. Саламин разволновался и норовил погарцевать. Мур благоразумно приклеил себя к седлу чарами – так, на всякий случай, – а Джосс сурово и непреклонно отобрал у Мура поводья, когда они поскакали по большой дороге, а потом вверх по крутому склону, по тропе, которая вела в Домовый лес. Джосс разрешил Муру самому править Саламином, только когда они очутились на опушке. Тут Саламин помчался как бешеный.

Унялся он только фарлонга через два, а до той поры Мур чувствовал себя словно в маслобойке: стук копыт, оглушительное конское пыхтение, прошлогодняя листва, летящая из-под

ног Саламина прямо Муру в лицо, папоротник, деревья и трава, только и мелькающие по сторонам, грива и уши перед носом. Потом Саламин соблаговолил перейти на рысь, и Джосс их нагнал. У Мура появилась возможность оглядеться, принюхаться и увидеть лес на переломе лета, только-только двинувшегося навстречу осени.

Муру нечасто приходилось бывать в лесах. Сначала он жил в городе, потом – в замке. Однако у него, как и у большинства людей на свете, было очень ясное представление о том, каким должен быть лес: темным, непроходимым, загадочным. Домовый лес был совсем другой. Кусты словно бы кто-то нарочно вылол, и остались только высокие деревья с темной листвой, папоротники и несколько кряжистых падубов, а между ними пролегали длинные прямые дорожки. И аромат здесь стоял свежий, сладкий, зеленый. Однако новая разновидность волшебства, которой Мур учился сейчас у Саламина, подсказала ему, что лес не должен быть так прост. А этот лес был именно прост. Хотя сквозь деревья было видно далеко-далеко, лесу недоставало глубины. Он затрагивал только переднюю часть сознания, будто картонные декорации.

Пока они ехали через лес, Мур размышлял: может, леса на самом деле вовсе не такие, как он привык думать? Потом Саламин метнулся в сторону и остановился. Он был склонен к таким фокусам. В частности, поэтому Мур и приклеил себя к седлу чарами. И не свалился, хотя был к этому близок, а когда снова выпрямился, то огляделся, чтобы посмотреть, что же напугало Саламина на этот раз.

Это были трепещущие перья мертвой сороки. Сорока была прибита гвоздями к деревянной станине у самой дорожки. А может быть, Саламину не понравились измазанные в грязи крылья мертвой вороны, прибитой рядом с сорокой. А может быть, вся конструкция в целом. Приглядевшись, Мур обнаружил, что она сверху донизу увешана трупиками зверей и птиц – высохшими, окостенелыми, давно миновавшими ту стадию, когда ими интересовались мухи. Там были скорченные тельца кротов, горностаев, хорьков, жаб и две-три длинные почерневшие трубки, которые когда-то, видимо, были гадюками.

Мура затрясло. Когда Джосс поравнялся с ним, он повернулся и спросил:

– А это зачем?

– Да просто так, – ответил Джосс. – Ничего осо... О, здравствуйте, мистер Фэрли.

Пришлось Муру снова обернуться в сторону страшной станины. Возле нее теперь стоял пожилой человек со всклокоченными бакенбардами и с длинной винтовкой в руке; ствол винтовки смотрел вниз, на толстые кожаные гетры, а приклад упирался в правый локоть.

– Виселица моя, – сообщил пожилой человек, неприязненно глядя на Мура. – В назидание. В пример. Ясно?

Мур не знал, что и сказать. Винтовка была очень страшная.

Мистер Фэрли перевел взгляд на Джосса. Глаза у него были блеклые, жестокие, затененные кустистыми бровями.

– Как тебе только в голову взбрело приводить в мой лес такого, как он? – процедил он.

– Он живет в замке, – ответил Джосс. – Имеет право.

– Сходить с дорожек запрещено, – отчеканил мистер Фэрли. – Следи, чтобы он не сходил с расчищенных дорожек. Не желаю, чтобы он мне тут дичь распугивал. – И он снова уставился

блеклыми глазами на Мура, а затем развернулся и затопал прочь вглубь леса, шумно сокрушая тяжелыми ботинками траву, листья и побеги.

– Егерь, – пояснил Джосс. – Поехали.

Мур, совершенно огорошенный, мысленно попросил Саламина двинуться дальше по дорожке.

Еще через три шага Мур и Саламин оказались в той самой глухой чащобе, которой этому лесу полагалось быть. Это было очень странно. Никаких декораций, никакой гладкой зеленой дорожки, никаких больших деревьев. Вместо них кругом раскинулось темно-изумрудное пространство, полное земляных зеленых запахов, до того полное, что аромат забивал все остальное. И хотя Мур и Саламин двигались через эту дальнюю даль, Мур был готов спорить, что Джесс, ехавший рядом, по-прежнему едет по дорожке среди декораций.

«Пожалуйста, выпусти нас!» – сказал кто-то.

Мур вскинул голову и огляделся, чтобы понять, кто говорит, – и никого не увидел. Однако Саламин прятал ушами, как будто тоже слышал голос.

«Вы где?» – спросил Мур.

«Заперты, – ответил голос, а может быть, и несколько голосов разом. – Глубоко внутри. Мы были хорошие. Не понимаем, в чем мы провинились. Пожалуйста, выпусти нас. Столько времени прошло».

Мур все смотрел и смотрел, пытаясь включить колдовское зрение, как учил Крестоманси. Потом он подумал – а не увидел, – что изумрудная даль шевелится, клубится, словно туман, но больше он ничего не разобрал. Из этого тумана на Мура веяло горем – горем и тоской. У него защипало в глазах и защемило горло от безысходности.

«Что не пускает вас на волю?» – спросил он.

«Эта... вот эта штуковина», – ответили голоса.

Мур посмотрел туда, куда они направляли его внимание, – а там, прямо перед ним, словно черные железные подъемные ворота замка, виднелась станина с развешенными на ней мертвыми зверьками. Под этим углом она казалась огромной.

«Попробую», – сказал он.

Чтобы пошевелить страшную штуку, потребовались все его колдовские силы. Муру пришлось так налечь, что он ощутил, как Саламин под ним уплывает куда-то вбок. Но в конце концов ему удалось чуть-чуть подвинуть станину, словно проржавевшую калитку. Тогда он смог вывести Саламина вокруг занозистого края станины – и снова очутился на дорожке.

– Не давай коню вилять, – сказал Джосс. Судя по всему, он ничего не заметил, кроме того, что Саламин на миг уклонился в сторону. – Следи за дорогой.

– Простите, – выдавил Мур.

Они поехали дальше, и тут он понял, что на самом деле просил прощения у запертых голосов. Ведь он старался как мог – и все равно не сумел им помочь. Мур чуть не плакал.

Или он все-таки чего-то добился? Лес вокруг стал медленно и мягко наполняться синей далью, словно она вытекала в щелку там, где Муру удалось приоткрыть станину с трупиками. Несколько птиц завели песню – очень робко. Но этого было мало. Мур понимал, что этого совсем, совсем мало.

Он поехал домой, перебирая странные воспоминания, как иногда раз за разом прокручивают в голове неприятные сны. И много думал о случившемся. Однако Мур плохо умел кому-то что-то рассказывать, а особенно – что-то настолько необычайное. Так что он толком никому и не заикнулся. Ближе всего Мур был к откровенности, когда спросил Роджера:

– А вот тот лес, который на холме, тот, дальний – какой он?

– Откуда я знаю, – отозвался Роджер. – А что?

– Хочу пойти поглядеть, – ответил Мур.

– А чем тебе Домовый лес не угодил? – удивился Роджер.

– Там страшный егерь, – сказал Мур.

– Мистер Фэрли. Джулия раньше верила, что он огр, – сказал Роджер. – Гнусный тип. Слушай, а давай вместе разведем лес на холме? Ульверскотский лес – так он, кажется, называется. Ты поедешь верхом, а я на велосипеде. Весело будет.

– Да! – сказал Мур.

Мур прекрасно понимал, что Джоссу Каллоу лучше ничего не говорить. Джосс наверняка скажет, что Муру еще рано даже думать объезжать Саламина без присмотра. Они с Роджером договорились подождать, когда у Джосса будет выходной.

Глава шестая

Мур не без интереса заметил, что Джосс тоже старается не попадаться на глаза мистеру Фэрли. После того случая они ездили или вдоль реки, или по голой Хоптонской пустоши – подальше от Домового леса. Но и там у Мура тоже возникало ощущение, что пейзажу недостает глубины. Это было грустно и непонятно.

Роджеру не терпелось отправиться в свой первый дальний выезд. Он попытался заинтересовать этой затеей Дженет и Джулию. В замке и окрестностях они уже объездили все, что можно, от души накатались и на деревенском выгоне в Хельме-сент-Мэри, так что необходимость дальнего похода давно назрела. Они втроем даже планировали поездку до самого Хоптона, за двенадцать миль, хотя, как верно подметила Джулия, туда и обратно получалось целых двадцать четыре мили – очень серьезное расстояние. Однако Дженет велела ей не ныть.

Только они собрались на свой марафон, как у парадных дверей замка неожиданно-негаданно притормозил голубой автомобильчик.

Джулия бросила велосипед на подъездной дорожке и помчалась к голубому автомобильчику.

– Это Джейсон! – верещала она. – Джейсон вернулся!

Милли и Крестоманси вышли на крыльцо, когда Джулии оставалось пробежать еще несколько ярдов, и с радостью обменялись рукопожатиями с водителем. Едва он успел повернуться, как Джулия кинулась ему на шею. Он пошатнулся.

– Господи боже мой! – воскликнул он. – Джулия, да ты теперь вешишь целую тонну!

Джейсон Йелдем был невысокого роста. Несмотря на долгие годы, проведенные в замке, он умудрился сохранить простонародный говорок. «А чему удивляться? – говорил он Дженет. – Я же начинал тут помощником садовника!»

Лицо у него было узкое и худое, покрытое темно-коричневым загаром из-за дальних странствий, а кудри, наоборот, белые, выгоревшие на солнце. Глаза были ярко-голубые, окру-

женные морщинками – то ли от смеха, то ли от необходимости смотреть на яркие солнца чужих миров, а может быть, и от того, и от другого.

Дженет была им совершенно очарована.

– Надо же, как бывает: только-только услышишь про кого-то, а потом проходит несколько дней, и он сам объявляется, – сказала она Муру, который подошел поглядеть, что за суматоха.

– Наверное, это из-за чар в замке, – ответил Мур.

Но и ему Джейсон тоже очень понравился.

Роджер понуро собрал три велосипеда и откатил на место. Остальные столпились в главном зале замка, где Джейсон рассказал Милли и Крестоманси, в каких диковинных мирах он побывал. Потом он с тревогой поинтересовался, не разорил ли кто его сарайчик.

– Понимаете, я нанял огромный фургон, он вот-вот прибудет, а в нем полным-полно самых невиданных трав, – сказал он, и его голос эхом отдавался под куполом над головой. – Кое-какие надо сразу же пересадить. Вы разрешите мне взять в помощь кого-нибудь из садовников? А про некоторые растения мне нужно посоветоваться – им требуется особая почва и удобрения и все такое прочее. Потолкую с вашим главным садовником. Это все так же мистер Маклинток, ничего не изменилось? Я-то всю дорогу из Лондона только и думал, что мне нужен настоящий специалист по травам. А тот старикан-ведун – он еще как, ничего? Ну, тот, длинноногий-бородатый, вы-то должны помнить! Всю жизнь знал в два раза больше меня. Интуиция, наверное.

– Вы имеете в виду Илайджу Пинхоу? – спросила Милли. – Нет, к несчастью. Он умер уже лет восемь назад.

– Помнится, беднягу нашли мертвым в лесу, – проговорил Крестоманси. – Неужели вы не слышали?

– Нет! – Джейсон искренне расстроился. – Наверное, был в отлучке, когда его нашли. Вот бедолага! Он мне часто говорил, что в здешних лесах какой-то непорядок... Видимо, предчувствие. Может, мне поговорить с его вдовой?

– Я слышала, она продала дом и переехала, – сказала Милли. – Про это ходят какие-то нелепые сплетни.

Джейсон пожал плечами:

– Что поделаешь. Ладно, мистер Маклинток тоже знает в травах толк.

Роджер помрачнел.

Приехал фургон, запряженный двумя першеронами, и все – от временного рассыльного до библиотекарши мисс Розали – стали хлопотать над травами Джейсона, никто без дела не остался. Дженет, Джулия, лакеи и почти все волшебники и колдуньи из замка таскали в сарайчик сумки, горшки и ящики. Милли писала этикетки. Джейсон подсказывал Роджеру, куда их наклеивать. Муру вместе с дворецким и экономкой миссис Веникс велели левитировать хрупкие связочки корешков и ворсистых листьев туда, где им, по мнению мистера Маклинтока, будет лучше всего, а мисс Розали гонялась за всеми, сверяясь со списком. Остальные распаковывали и сортировали причудливые клубни, которые предполагалось посадить позднее, под зиму. Роджер понимал, что ни о каких велосипедных прогулках сегодня не может быть и речи.

Правда, вечером, за ужином, он чуть не простил Джейсона: тот заморозил всех рассказами о разнообразных мирах, где он побывал, и о диковинных растениях, которые там раздобыл.

В мире Девять-Б обнаружилось растение, которое расцветало раз в сто лет и давало всего один цветок, зато до того красивый, что местные жители поклонялись ему, словно божеству.

– Я потерпел там неудачу, – признался Джейсон. – Срезать его мне не позволили, как я ни упрашивал.

Зато в мире Семь-Д все сложилось гораздо лучше: там нашлась уединенная долина, вся заросшая целебными крокусами. Старик, владевший долиной, не мог придумать, что бы такое попросить за луковицы, и к тому же предупредил Джейсона, что от крокусов ужасно портятся зубы. Джейсон нашел к нему подход и получил целый мешок луковиц, наколдовав вставные челюсти для самого старика и всех его родных. А потом Джейсон рассказал про гору в мире Один-Е – это было единственное место во всех мирах, где растет темно-зеленое растение, похожее на папоротник, которое правда лечит насморк. Разумеется, владелец горы невероятно разбогател на продаже листьев – корни он никому не продавал, чтобы нельзя было посадить их и вырастить папоротники, и ревностно их охранял, чтобы никто и никогда их не заполучил. Поставил сторожевых зверей и вооруженную круглосуточную охрану. Джейсон проскользнул туда глубокой ночью, под покровом мощных заклинаний, и успел выкопать несколько корней, но тут его заметили, и пришлось спасаться. Охранники гнались за ним до самого мира Два-А, и только там Джейсон сумел улизнуть в мир Пять-В, и они отстали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.